

СМЕНА

23

1958

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
Декабрь, № 23. 1958 год.

Год
издания
35-й

КОМСОМОЛЬСКАЯ ЮНОСТЬ, ВПЕРЕД!

УЧИТЬСЯ РАБОТАТЬ И ЖИТЬ ПО-КОММУНИСТИЧЕСКИ

Нашему молодому поколению выпала неповторимая доля, которая может быть только у одного поколения людей будущего: строить коммунизм и жить при коммунизме. Нашей молодежи выпало счастье начать борьбу за первый семилетний план — план развернутого строительства коммунистического общества.

Коммунизм армо встает за цифрами грандиозного плана, который намечает Коммунистическая партия на 1959—1965 годы! Этот план сейчас широко и всесторонне обсуждают и одобряют весь советский народ.

Вдумайтесь и запомните основные цифры великого плана.

Владимир Ильич Ленин называл металл одним из фундаментов современной цивилизации. В 1965 году в СССР будет выплавлено 65—70 миллионов тонн чугуна и 86—91 миллион тонн стали, что почти вдвое превысит выплавку прошлого года. Мощнейшей индустрии будущего еще больше понадобится нефть. В 1965 году добыча нефти возрастет до 230—240 миллионов тонн — более чем вдвое по сравнению с 1958 годом. Через семилетие наша страна доведет добычу угля до 596—609 миллионов тонн, выработку электроэнергии — до 500—520 миллиардов киловатт-часов. Продукция химической промышленности увеличится более чем в 3 раза, машиностроения и металлообработки — в 2 раза. Производство предметов народного потребления возрастет на 62—65 процентов, зерна — до 10—11 миллиардов пудов, мяса — до 16 миллионов тонн, молока — до 100—105 миллионов тонн. Резко увеличатся доходы, повысятся общие благосостояние рабочих, служащих и колхозников. Ведя главной задачей семилетнего плана развития народного хозяйства СССР является непрерывное повышение жизненного уровня народа на базе дальнейшего мощного подъема всех отраслей экономики и прежде всего на базе роста тяжелой индустрии.

За семь лет валовая продукция промышленности Советского Союза увеличится на 80 процентов, сельского хозяйства — в 1,7 раза. Ни одна капиталистическая страна в лучшие периоды своего развития не жила таких темпов!

Семилетний план — это часть намеченной Коммунистической партией великой программы развития производительных сил нашей страны на ближайшие 15 лет. Выполнение этой программы выведет СССР на первое место по производству продукции на душу населения, создаст могучую материально-техническую базу коммунизма.

СТАНОВЯТСЯ В СТРОЙ БОЕВЫЕ БРИГАДЫ

Весенней свежестью пронизан ветер.

Везде,
во всем

такая новизна!
В просторах чудесного семилетия
вступает родная страна.

И полны вдохновеньем сердца миллионов,
нашей Партии

оперленных,
нашей Партии
закаленных,
верных ей навсегда.

На стройках Сибири, в цехах Ленинграда,
на шахтах

в колхозах
и рудниках
становятся в строй боевые бригады
коммунистического труда.

Выходим мы шагом уверенным
на самые трудные рубежи,
чтобы так, как заведено Лениным,

работать,
учиться,
жить.

Нам мир удивлять хлебами колхозными,
возводить города, цепьку поднимать,
новые спутники красноезвездные
на дальние орбиты запускать.

Нам такты шельма и строить заводы,
воздвигать громады плотин.

В могущество Родины,

в счастье народа,
Партия наша,
твой план воплотим.

Пусть ярче московская радость
под советским небом цветет!

Вперед,
коммунистические бригады!

Комсомольская юность,

вперед!
Ал. ТАМБОВСКИЙ

Один работает в тепловом цехе депо Москва-Сортировочная — первым в стране цехом коммунистического труда. На связках (сверху вниз) — моторе цеха слесарь Николай Белов; слесарь Валентин Груздев; слесарь комсомолец Михаил Дыхолин; инженер-технолог цеха молодой коммунист Виктор Волосинский.

Фото Н. Невомнищера.

Газета пришла в цех... Начальника смены Михаила Кузьмина Иририна обступили рабочие:
— А ну-ка читай, Кузьмин, прочитай!
фото М. Мурадова.

У газетного стенда в обеденный перерыв.

— Семилетний план — это дело наших рук, товарищи! — говорит мастер механического участка Николай Васильевич Жердев.

Цеховое собрание рабочих, на котором обсуждался тезис-экономический доклад тов. Иририна и предложение нормировщика Алексея Мухоморова и контролера-учетчицы Зои Миндичевой встать на трудовую вахту в честь XXI съезда КПСС.

РАДОСТЬ,
ГОРДОСТЬ,
ОДОБРЕНИЕ...

Гордый своей могучей Родиной, советский народ ныне вновь переживает небывалый патристический подъем. В городах и селах идет всенародное обсуждение тезисов доклада товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС. Намеченный партией грандиозный план развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы горячо одобряют трудящиеся нашей страны. Улученные вели-

СЛАВНЫЙ ЮБИЛЕЙ

ВСЕГДА С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ПРЕЗИДУМА ВЕРХОВОГО СОВЕТА БЕЛОРУССКОЙ ССР

В. И. КОЗЛОВЫМ

31 декабря, а канун Нового года, белорусы отмечают славный юбилей — сорокалетие свой республики. Праздник этот, особенно знаменательный для нас, дорог и близок народам всего Советского Союза, ибо он одно из ярких свидетельств торжества ленинской национальной политики, проводимой Коммунистической партией.

Думается, что далеко не все читатели «Смены» имеют ясное представление о сегодняшней Белоруссии. Даже тот, кто бывал в наших краях лет пять назад, многому удивится, приехав к нам сейчас, настолько быстро меняется лицо республики. С каждым годом появляются у нас новые города и поселки, заводы, фабрики, электростанции. Наша Белоруссия не имеет ничего общего с той захудалой окраиной царской России, которая славилась лаптями, «убульбой» да убогими, вымирающими деревеньками.

Сейчас в Белоруссии за две недели выпускается столько промышленной продукции, сколько выпускалось ее за весь 1913 год. По производству электроэнергии, добыче торфа, выработке тканей уровень 1913 года превзойден в сотни раз! По числу обучающихся в школах и высших учебных заведениях на 10 тысяч жителей республика идет вперед таких стран, как Англия, Франция, Италия, Швеция.

Ленинское указание о необходимости подтягивания отсталых окраин к общесоюзному уровню выполнено, и теперь речь идет о новом шаге вперед.

В предстоящем семилетии в Белоруссии возмунут новые отрасли химической, приборостроительной, текстильной промышленности. Прокладка магистральных трубопроводов Дагоста — Минск и Минск — Ленинград позволят газифицировать республику. Уже начато строительство трех огромных сооружений: калийного комбината близ местечка Старобин, нефтеперерабатывающего завода под Полоцком и Березовской гидроэлектростанции в западных районах республики.

Читателям «Смены», конечно, интересно узнать о том, что эти стройки объявлены моло-

дежными, шефство над ними взял наш славный комсомолец. Белорусские комсомольцы, верные своим замечательным традициям, идут туда, где трудно, куда зовет их Коммунистическая партия.

Мне хорошо помнятся годы, когда в Белоруссии создавалась организация молодых ленинцев. В 1919 году я, рабочий дело станции Жлобин, вступил в ряды комсомола. Помню, с какой волнением мы услышали о великом почине, о коммунистических субботниках. Вместе с миллионами рабочих других специальностей мы, железнодорожники, подхватили этот почин, мы брали на себя эстафету обязательства и сверх плана ремонтировали старенькие паровозики — «ковачки», «шукчики». Техника была слабая: зубило, молоток, домкрат — вот и весь инструмент, которым приходилось пользоваться. Не хватало жилья, питание получали по карточкам. Но комсомольцы не пали духом, работы продолжались. Все мы понимали: строится новое общество, идет борьба за новый мир на земле.

В годы Великой Отечественной войны в историю белорусского комсомола были вписаны особенно яркие страницы. Наши народные мстители мужественно боролись против фашистских захватчиков: немернушкой слабой овеяны героические дела подпольщиков Гомеля, Сюделя Витяка, Минска. А столько героев родилось в послевоенные годы, когда молодежь вместе со всем народом восстанавливала разрушенные города и села, возводила заводы и фабрики — украшала родную землю!

Мы гордимся нашим славным белорусским комсомолом, традициям которого, по-новому проявляются сегодня, когда весь советский народ окрылен величественной программой построения коммунистического общества. Ширится в республике замечательное движение — создаются молодежные бригады коммунистического труда. Еще недавно, кажется, возникла в Минске первая такая бригада, а сейчас их уже сотни.

Будущее принадлежит вам, молодые строители коммунизма!

И оживают памятные даты...

Плакат театра имени Купалы:
Сегодня вечером спектакль «Розовый год».

Погашен свет,
и тишина настала:

На сцене
Революция идет!

И оживают памятные даты,
Рожок гром далеких канюда:

Рабочие,
крестьяне и солдаты

Всемирную историю творят...

А мы с тобой,
когда рукопожимся

Любимому артисту своему.

В минуту эту поминишь едва ли,
Что здесь, в театре,

Все так и было
в этом самом зале,

сорок лет тому.

Ряды взрывались бурзо овецки.

Но зал сидел
в шинелях и в пальто,

И не было на сцене декораций,
И не был в зале

артистем,
никто!

Шел по земле в свинцовом урагане
Год девятындацать —

пора крутой страды.

Рабочие,
солдаты и крестьяне

В холодном зале знали ряды.

Они сюда входили без билетов,
Другой билет у каждого — мандат.

Всебелорусский Первый съезд Советов

Здесь открывался

...Торжественно, сорок лет назад.

Волнением приглушены едва,

Звучат слова товарища Свердлова,

А это значит —

Ленина слова.

Звучат слова,
обычные,

простые,

Но в них

свершенье всех надежд и вер:

Приветствует Советская Россия

Рождене Белорусской ССР.

И снова выступают делегаты,
Беситростные речн говорят.

Рабочие,
крестьяне и солдаты

Всемирную историю творят.

И, власть беря в мюзынские руки,
Не думают — ведь им не до чудес! —

Что в этом зале
дети их и внуки

Увидят их
героизм из пьес...

Доска мемориальная у входа,
Как память славных

краснозвездных дней,
И пламя двадцатидеятю года

Застыло вечной датой над ней.

Г. Мисес,

Валентин ТАРАС.

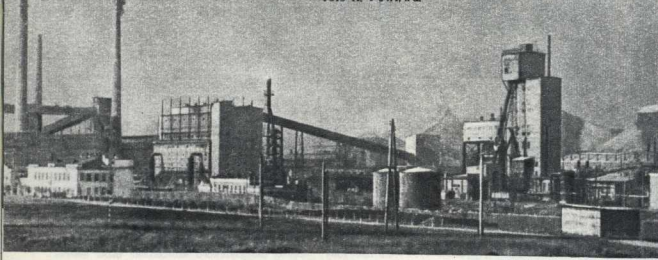

чем перспектив семилетнего плана, они стремятся ознаменовать XXI съезд Коммунистической партии новыми трудовыми успехами.

Наш фотокорреспондент побывал на Косогорском металлургическом заводе имени Дзержинского (Гульская область). На снимках запечатлены отдельные моменты обсуждения контрольных цифр семилетнего плана.

ГОРЮЧИЙ КАМЕНЬ

фото А. Уолляя.

Химкомбинат в Хотла-Яре — молодое предприятие...

К ондуктор автобуса объявил:

— Хотла-Яре! Стоянка — пять минут! Мы выехали на площадь, огляделись. Как ни нов эстонский городок Хотла-Яре, но в облике его было что-то знакомое, уже не раз виденное. Дымящиеся трубы гигантского завода, высокие конусообразные горы — терриконы, — приямистые, на шахтных зданиях... Все это напоминало Доббас. Казалось, вот сейчас услышишь украинский говорок. И мы действительно его услышали:

— Сляжяте, будь ласка, где тут едальня? Нет, ошибиться было невозможно: перед нами стояли доббасовцы. Сюда, в эстонский славянский бассейн, приехала экскурсия шахтеров треста «Снежинантрацит» из Сталинской области. Мы познакомились, разговорились.

— Думали, покажем здесь, как надо уголок рубать, — усмехнулись один из шахтеров. — А получился, як в той побасенке: кум куме пороса несет, а от кумы корову велет.

В самом деле, есть чему поучиться, — добавила самый молодой из доббасовцев. Виттор Рудок, начальник вентиляции шахты «З3-бис» — Трест-наш считается самым передовым в Доббасе, но по механизации и по производительности труда нам далеко до эстонских товарищей. Конечно, условия другие: сланец... Ну, ладно, вернемся домой, поговорим на тепловате.

Сланец! Здесь он всюду; мы идем по асфальту — он сделан из сланца; дымят трубы заводов — это перерабатывается сланец; горит в окнах свет — это тоже сланец, ибо электростанции работают на горячем сланце. Даже дома в шахтерском поселке Кукуруз, и те из сланца, тоньше, из сланце-золевого кирпича.

Говорят, когда-то давно в этих краях была богатая мызза «Кукуруз». Два ластунщика, пасшие на лугах хозяйских коров, нашли однажды странные желтые камни и сложили из них очаг, чтобы испечь картошку. Раскалившись, камни неожиданно вспыхнули, и вся печка сгорела в ярком пламени. «Пылекиви» — горячий камень — так назвали местные жители желтые обломки.

В эстонской «кварцово» хранятся миллиарды тонн горячего камня — этого «коричневого золота». Десять лет назад в этих краях появились новые шахты, возник большой химический комбинат. И здесь — у самых сложных механизмов, на самых ответственных участках, у пультов управления и в лабораториях — работает молодежь.

На шахте № 10 мы познакомились с начальником участка Ую Лийком. Высокий, широкоплечий, несколько медвежий в комбинезоне и резиновых сапогах, он походил скорее на рыбака. Собственно говоря, Лийк и был когда-то рыбаком, он родился в ры-

бачей семье на крошечном острове Муху и лишь два года назад окончил Таллинский политехнический институт. По дороге к шахтовому подъемнику к нам присоединился секретарь комсомольской организации Слава Шапков.

...На погрузочном пункте с широкой лентой конвейера непрерывным потоком сыпался грузные куски сланца. Но один кусочек не пролетал мимо вагонетки: поток сланца направляла подвижная каретка со штыками.

— Межвагонный перекрытатель, — пояснил Лийк. — Недавно поставили. Изобретен механиком и слесарем шахты № 8. Если поставят на всех шахтах страны, это даст миллионы рублей экономии.

Движением вагонеток, конвейера и перекрытателя управлял один человек с помощью нескольких кнопок. Кроме него, во всем этом штрехе не было никого.

Перед началом второй смены секретарь комитета ВЛКСМ позавокал нас с Парфеновым, бригадиром лучшей комсомольско-молодежной бригады навалотбойщиков.

Воспитанник горно-промышленной школы

Горный мастер П. Фролов внимательно следит за качеством добываемого сланца.

Геннадий Парфенов пришел на шахту семь лет назад. За эти годы он в совершенстве изучил чуть ли не все шахтерские профессии и в любую минуту из навалотбойщика мог превратиться во врубащину, бурьльщика, крепильщика.

А минуты такие бывали... Однажды бурьльщик внезапно выпустил из рук электросережку: парню стало нехорошо. Отправив заболелешего наверх, Парфенов занял его место и бурлил шпур за шпуром, пока не пришли взрывники. Человек равнодушный, может быть, и не стал бы этого делать: шпур нужен был для смещайки. Но молодому бригадиру и в голову не пришло, что он трудится за других, выполняет «чужую» работу.

Парфенов оказался не из разговорчивых и решил сразу выложить всю информацию, которая, на его взгляд, могла интересовать корреспондентов:

— Значит, так. Вернулся я только что из-под Ленинграда.

Ездил в город Сланцы, на шахту № 2. Вызвал на соревнования комсомольско-молодежную бригаду Петра Васильева. Будем соревноваться в честь XXI съезда партии. Наш бригадир обязался дать сверх плана две тысячи тонн, а тысяча семсот тонн у нас уже есть на счету. Значит, за год дадим на-гора около четырех тысяч сывальцовых. Посмотрим, что даст бригада Петра.

— Про Всесоюзное совещание забыл, — виноватно коморил.

Парфенов улыбаясь: «Всесоюзное совещание шахтеров. Так что встретимся в Москве. Будете здоровы!» — И он торопливо зашагал к подъемнику.

«Если взглянуть на сланцевые бассейны с высоты птичьего полета, то огромная территория покажется абсолютно пустой, бесконечных железнодорожных путей. Все они идут к химическому комбинату.

Под землей, в забоях и лавах, мы встречали немало много людей. Здесь, наверху, в цехах огромного предприятия, мы первое время не видели никого.

— Автоматика! — весьма лаконично объяснил нам Ян Лийлемец, секретарь комсомольской организации доббасовцев.

Ему казалось, что делом обычным. Молодой инженер, он учился, проходил практику, начинал свою трудовую деятельность в годы, когда увлечение вызвала не автоматизация производства, а рост населения, а ее отсутствие, высокая механизация, а ручной труд — выскета с ним мы отправлялись в цех камерных печей, где сланец претерпевает свое первое изменение: нагретый до восьмистот градусов, он превращается в газ и смолу.

На центральном пульте управления цеха камерных печей мы увидели человека, одетого в рабочий комбинезон. Он кричал что-то в телефонную трубку. На столе перед ним стоял коммутатор, вдоль стен полузвучающим располагались щиты контрольно-измерительных приборов.

— Люба Тольская, — представился нам человек в комбинезоне. — Сменил мастер пульт управления.

Она глянула на один из приборов и тут же снова схватила телефонную трубку:

— На пятом полублоке разрешение падает до нуля, температура повышается! — Затем, изваяв кнопочку коммутатора, Тольская приказала: — Аня! Немедленно открыть задвижку на пятому!

Ян Лийлемец повел нас к новой, только еще строящейся установке. По дороге он рассказывал:

— Люба у нас молодец. Начала температурщицей, то есть следила за температурой печей, потом стала газощитчицей. Теперь, видите, мастер...

Всеюи мы очутились у подножия высокого сооружения. Около него хлопотало несколько парней и девушек — бригада молодого ин-

женера Артура Лаамана. В бригаде четырнадцать человек, и лишь трое из них не имеют законченного высшего или среднего образования.

Эта опытная установка предназначена для пиролиза продуктов переработки сланца, — объяснял нам Артур Лааман. — Проще говоря, для разложения сырья при высокой температуре и без доступа воздуха. Между прочим, пиролиз в подобном процессе применяется, пожалуй, впервые в мире. При помощи пиролиза мы на нашей установке будем получать этилен. А этилен, как известно, — основа для получения пластмасс и синтетических волокон.

В лаборатории комбината работают комсомолки Эльза Лутт и Надежда Аникова, пришедшие на производство после окончания десятилетия.

Опытная установка, о которой мы рассказывал Лааман, была детством двух комсомольских ученых — Лидера и Печуро. Однако первое испытание, проведенное четыре года назад, оказалось неудачным. Авторы разочаровались в своем изобретении. И вот несколько месяцев назад за опытную установку взялся молодежь химкомбината и добилась победы. Испытания прошли успешно, новый производственный агрегат скоро вступит в строй.

У стендов небольшой выставки продукции химического гиганта Людвиге прочел нам небольшую лекцию.

Сейчас вы поймете, почему сланец называют «коричневым золотом» — значит, он! Из одной тонны сланца получается четыреста кубических метров бытового газа, двадцать пять килограммов бензина, три килограмма серы и пятьдесят килограммов смолы. Из смол добывается около полутора килограммов нафталина, килограмм фенола и триста граммов антрацена. Фенолы — исходное сырье для производства красителей, дубителей, пластмасс, искусственных волокон. Примерно такую же роль играют и этилен. — Он идет на сырьё с полка различные экспонаты. — Вот водостойкая фанера, пресс-корпус, пластмасса, красители, автобензин, дизельное горючее, погодостойчные лаки... Все это — наше будущее, и, поверьте, весьма недалекое.

Да, мы убедились в том, что любое путешествие по комбинату — это путешествие в будущее: химический гигант непрерывно растет. То, что еще вчера считалось опытной установкой, сегодня становится рядовым цехом; то, что было экспериментом, ставится практикой.

В. ПРИВАТСКИЙ

Андрей ШМАНКЕВИЧ

БРЕВЕНАТ

Рассказ

О себе говорить ничего не буду. Это неинтересно. Я — кто? Я бежал за ним так же, как бегает за мной теперь Тарзин. Куда Кирилл — туда и я следом... Таскал весла и веревки, сачки и сетки, рад был, когда он меня о чем-нибудь спрашивал. Сутками, бывало, караулил переваленные бревна, а потом до седьмого дня работал, расстилав, копил на поленья.

Если Кирилл «закладывал» с получки, я тащил его по задворкам наших Ременок и там на сеновале. Больше всего боялся я, чтобы не встретили мы в такое время Настю, племянницу Афона.

Она доводила Афоне племянницей, но жила в доме для дочек. Говорили, что Настя с малых лет осталась без матери, а отец погиб на войне. Какая она была девочкой, не помню, потому что сам я моложе ее, а она сплющивала ее лет пятнадцать, так стали на нее все зсматриваться. Один косычье золотые чего стоили! — уложит их венцом на голову и точно в короне шествует! Лицо у нее немного половатов, нос прямой, тоненький, глаза большие, серые, губы всегда горят, как спелые вишни на заре, когда на них роса еще не высохла. Красавица, что и говорить, но зато характер был у девки такой, что я еще тогда знал: живьет она Кирилла из Ременок. Так оно и вышло...

Кирилл обидно продавал бревна Афоне за поленцы, и когда парни поднимали его за это на смех, он хвастал, что потом все и само получит сполна, вместе с Настей. Но, видно, напрасно Кирилл хвастал, хотя и сам Афона поддерживал у Кирилла такие мысли, называя его при всех дорогой «зятком», говорил, что все «экономишь» пойдет в приданое за Настей...

Для меня Кирилл был первым парнем по деревне, а в деревне нашей не один дом, больше двухот насчитаете, да половина полудомиками поставлена, с кирпичными низами, с пятиэтажными срубными второго этажа. Народно много у нас, и парней хватает, а сравнить с Кириллом мне было некогда. Ну у кого из наших ребят такая рост, такие плечи! Кто такой ловишь! Когда он стоит у вольевой-волей сетки, как ни бнокнуришь, все равно все мячи будут «танем». А глаза у него как у двояго, зорь и черные, что такой угол. И чуб такой же смольный, и густые брови. У него и кожа на руках и на лице такая, будто летний загар и за зиму не проходит. Только один зуб сверкает. Но чем особенно он выделялся, так это тонким носом с горбинкой.

— Откуда тебе, Кирыша, такой нос достался — не раз шутя спрашивали ребята. — На иначе, как у презвизж цыган приторговали...

Кирилл на шутку отвечал шуткой: — Это еще разницы можно прибавучкам подерали... В сундуке у нас лежал, меня дождав.

Кирилл окончил нашу Ременскую семилетку, когда я еще в четвертый класс ходил, а Настя — в шестой. Тот же был, надо сказать, учился дальше, но он заявил, что с него хватит, пускай другие бегают в Торбино за четыре километра, а он работает будеть.

Наши Ременки стоят на высоком правом берегу. С воды их и не увидишь. Пока поднимался от берега по тропинкам, язык на плечо положил, пять раз отдышать остано-

вился. Зато посмотришь потом сверху на Волгу, на заре, — и сразу дышать тебе легче. Такой простор перед глазами открывается, что оторвался бы от земли и полетел над Волгой.

Постороннему человеку могло показаться, что и Афона наш выходит на обрыв Волгой любоваться. Но мы, ременские, знали, зачем он ходит: зсматривает Афона плоты, что джым и ночами проплывали с севера на юг.

С тех стародавних пор, как существуют Ременки, промывались наши мужики лесом. Иные сами гоняли плоты с верховья, но большинство перевозило промывало.

Напротив деревни на Волге было много мельков, на них и застреливали плоты, особенно в малую воду. Потом, чтобы углубить фарватер, на реке построили дамбу. Фарватер углубили, но стал он в то же время прямо-таки ловушкой для плотов. Чуть подует северный, плот сам лезет на дамбу, и так его крепко посадит, что ежело не полензана, так и все звано на камнях останется, или оторвется и своим ходом поплывет вниз. Вот тут и не зевает ловцы бревен, арканят и тащат в затон. Добыча! Говорят, что раньше, в бурные ночи, мужики наши нарочно ложные бакены выставляли, заманивали плоты на дамбу. Теперь, конечно, ничто на такое не пойдет, да и служба на берег иначе поставлена, но перхат остался. Это у наших крику трудно вышибить. Показ бревно в плоту — оно государственное; поплывло своим ходом — не звай, волоку на берег, ставь жетку и пили на дамбу. А пилы у наших ременских, что твой атоген: в момент бревно пережугт на чурбаки...

По нашим волжским правилам полагается весь переваленный лес отправлять на лесосклад. За каждый кубометр тебе обязаны уплатить, да еще за доставку и хранение. Однако мало бревен попадает на эти склады, больше деловая древесина идет на простые дрова. На нашей безлесой стороне всегда покупатели много, а дровички идут по двести рублюков за сажень — сбавлять большой.

И сколько люди помнят, еще предки Кирилла считались королями перхавата. Отсюда и фамилия у них пошла — Королевы. И сам Кирилл, как подросток, мальцок, тоже стал лесом промывальщик. Это сто дело до таких тонкостей изучил, что и стариков удивлял. Другие чуть плот заприметят — к лодкам бегут, а мой Кирилл, смотря, пальцем не шевелит.

— Чего же ты, Кирилл! — спросишь его, а он только зевает и спать завалился в траву. Глядишь, проплывет плотичке мимо наших дамб, ни одного бревна не потеряя. А другой раз и плота еще толком не видно, а мы уже к лодке несемся, на месте первыми будем, а значит, и добыча наша. Тут мне работница — только поспевая лодку к бревнам подводить, а Кирилл их одно за одним багрит и на веревку ниюжит, как шук на жуван.

Особый старик он, последний два года, после того как семилетку окончил, а Настя в шестом и седьмом училась. Разгулялся так, что мог мать просить его слава, чтобы отпустил на меня.

— Чего же ты, Кирилл! — сказала матери Кирилл. — Наду другое... Со мной всякий пойдет.

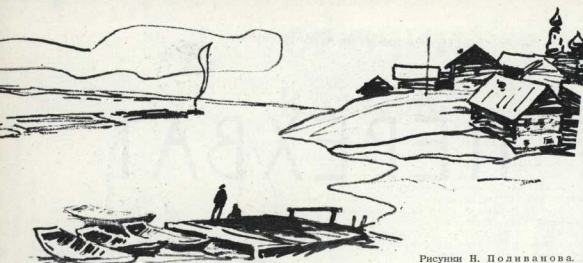

Рисунок Н. Подвинова.

Только что толку, что мать просила! Разве я мог уйти от своего короля?.. Я и зимой от него не отставал, бегал к нему со всеми топорами, если он плыл на гд-не-убота в артели поблизости. Я не столько сам работал, сколько смотрел, как работает он. Во говорят про иныя, что работают он, дескать, играчони. А про Кирилла можно сказать: работал, как песню бег. Казалось, в его руках топор сам по шпурочку тесал бревно, то делал галбные зарубы и потом скалывал шепку толстойкой в лядьон, то снимал такую тонкую стружку, что из нее цветы можно было делать.

Но один раз довелось мне увидеть, как оплошал Кирилл — чутьго себе топором не развалил. А из-за чего? Из-за Настя... Откуда ев принесла нелегкая! Из школы шло! А зачем на этот край деревни пошла? Школа в другом конце, дом Афона посреди села стоит... Чего ей здесь делать было? Пришла, стала, портфельчиком помаивает, на Кирилла зорится. А тот раз на нее посмотрел, еще раз глянул и хватил топором по валенку, расскос до самой ноги. Потом сел, смотрит на прореху и ухмыляется, как дурной. Такое меня зло взяло, так бы вот и погнал ее от сруба, а Кирилл на меня покосился и говорит:

— Санька! Лети к нам за старыми валенками, да живи...

Не знаю, был ли у них какой разговор без меня, но только Кирилла после этого моего бревном пришибло. Переменился он вдруг так, что родная мать затревожилась: не заболел ли парень?

— Прокосило мажеть, — усмехнулся король. — Пройдет!

Однако не прошло. Даже я понял, что случилось, почему у Кирилла топор стал непослушным. Вот в тот год с весны и поплыли наши бревна за поленцы к Афоне. Ох, как я перемерялся за лето! То, бывало, как и девчальники и ночевали на Волге, плоты караулили, руби дубы, да тут, как вечер, Кирилл мол смятывает удочки — и в деревню. Дела у него, видите ли, аваны завались.

В то лето у нас в Ремежах сразу три дома строились. Срубы плотники рубили прямо среди улицы, тут же и бревна были навалены. К этим срубам посидеть на бревнах собирались вечерами все наши деревенские парни и девчата.

Бывало на бревнах и Настя. Сидялась к девчатам, пела с ними. Да как пела! Все поют, а я только один ев голос и слышу... Заведу игру в чорелки, все ребята стараются не помять. Да только даром они подмятены были: она как ветер на Волге — лоды догонит! Я, молже, и догнал бы: бегал я разво, — да что же меня принимал в игру! А если бы и принимал, так не стал бы я за ней гоняться: Кирилл-то на таком косе поглядывал.

Сам Кирилл ни в какую игру никогда не вступал, не пел, танцевал редю и то не в паре, а только когда беникс русскую заводит или перебор какой. Тут уж Кирилл даст жидини! Одну дивчину выводит — уморит, перед другой ногой топнет, с третьей коргой проидет, а садит с Настей никогда не танцевал, рядом не валился, я не проводил ни разво... Провожал, вернее, да только не рядом ходил, а сзади. Да так, чтобы и сама Настя не знала и люди не видели. Так вот и уходили мы с гулянки:

вперед Настя с подружкой, за ними, красучись, Кирилл, а за Кириллом тень его — я.

Однажды во время такого «прожывания» услышал Кирилл, что Настя про него сказала. Мимо моих ушей это тоже не пролетело.

Подружка спросила Настю:

— Слышка, что ты в десятилетку поступаешь по осени?

— Поступаю, — ответила Настя и рассмеялась, как будто бые причины, но тут же добавила: — Обязательно учиться мне надо... Как же это я, необразованная, в королевские аваны войду? Придется дядка с женшишкой приготовить, а я уж хоть науки до конца одолеть.

Окончу десятилетку, потом институт, стану докторшей, вот тогда и королевой не стыдно заделаться!

Я старался тише дышать, чтобы не пропустить ни одного ев слова. Может быть, это и нечестно было с моей стороны, но я тогда загорелся от радости: ведь она смеялась над Кириллом! Вы думаете, она не знала, что он следом ходил? Еще как знал!

Забился я и наткнулся на Кирилла. Онулся, когда он меня за плечо схватил, да так, что я даже присел от боли.

— Слышал? — прошипел он мне в ухо.

Я стою, молчу и вижу у Кирилла слезы на глаза наворачиваться.

— Ну, говори, слышал, что она сказала?

— Слышал, — пролепетал я ей. — Нечаянно... Честное слово, нечаянно... Домой шель...

— Не скуи!

— Кирилл отпустил мое плечо и тихо, но как-им-то страшным голосом сказал:

— Ладно, Настя... Король еще покажет свой характер.

И вдруг, ни с того ни с сего, он схватил мою руку и крепко пожал. Потом повернул меня кругом и толкнул в спину...

Если бы я только знал тогда, что происходит со мной не до следующего дня, а на целых пять лет, я бы гирей повис у него на ногах... Утром я узнал, что Кирилл сбегал из Ремежах. Взял свой сундукос с инструментами, мешок с харчами да одежкой и ушел на пристань.

Ушел и точно сгинул. Первый год мать его ходила сама не своя, а потом смирилась, усмехаться стала, когда речь заходила о сыне. Только, кажется, я не мог забыть Кирилла. Он мне все пять лет во сне снится. Особенно до того, как я поступил в комсомол. Мне, конечно, стыдно было за наше пиратство на Волге, но все равно, что бы я ни делал, все как-то прикидывал: «А как бы это Кирилл сделал!»

За эти пять лет я окончил десятилетку и осенью собирался ехать в Горький поступать на курсы судоводителя. У меня и дяд, и прадед, и отец были капитанами. Вместе со мной собралось чуть не полсиласа ехать, тоже все потомственные волгари.

Настя за это время уже окончила два курса медицинского, не то в Казани, не то в Языни. Демой приехала прошлым летом только на неделюку. Походила за ягодами, покулоса на Волге, потом, видать, скучно ей стало в наших Ремежах, уехала. Я ев на Кирилловой лодке в Горьки отвозил к пароходу. Разговаривать мне с ней было не о чем: злой на нее был за Кирилла — и только там, для порядка, спросил:

— Что мало гостила? Неужели наша явля лучше наших?

— А я как раз и собираюсь посмотреть, есть ли у нас края лучше наших, — ответила она с улыбкой. — Да заодно и жениха хочу присмотреть... В Ремежах-то наших одних женихи еще не выросли, другие без весты пропали...

Тут она и не выдержал.

— Вот что, — говорю, — или ты перестанешь Кирилла задавать, или я сейчас же высыку тебя на бережок, и потопашу ты на пристань со своим немодничаньем и горбу...

Замолчала. Только глазами слезы на меня скопоса, посмотрела, точно убедилась хотела, что это я, а не кто-то другой. До конца до конца молчала, но на пристань заставила меня покосреть до ушей: обняла и поцеловала при всем народе!

— Я тебя, Саня, за то поцеловала, что ты дружбе своей верен... Хотела бы и я иметь такого друга в жизни... — грустно сказала она на прощанье.

А ровно через год, этим летом, как-то утречком, прибегает к нам мать Кирилла и, сияя каждой морщинкой, подает телеграмму: «Приедем десятого прошу Саша встретить!»

Я так обрадовался, что даже заникать стал, когда начал расспрашивать, откуда он придет. Оказывается, Кирилл уже студент второго курса, учится в Горьком. Только на одну мать не могла ответить: что значило в телеграмме «приедем»? С кем придет Кирилл? Мне хотелось верить, что с женой.

...До прибытия парохода было еще добрых пять часов, когда я погнал лодку в Горьки.

Кирилла я увидел сразу. Он стоял у самого трапа в белой рубашке с короткими рукавами, в серых броках и светлых сандалях. Сандали я сразу приметил: раньше Кирилл ничего, кроме сапог, не признавал. Он меня тоже увидел, замаял рукой. Потом нагнулся, поднял белого с черным шнуром и стал показывать мне. При этом он что-то говорил стоявшему рядом парню в очках. Я, конечно, сразу понял, что не с женой приехал Кирилл, а просто с приятелем.

Наконец пароход причалил, и Кирилл первым сбегал на дебаркадер.

— Ну, братец, и вымахал же ты! — крикнул он. — Помалуй, теперь бег сяди не обидеется, если дасть тебе подзатыльник... Давай-ка

обнимемся да расцелуемся по случаю астрин...

Я слушал и ушам своим не верил, что стало с Кириллом: «Обнимемся да расцелуемся...» Отродясь никогда раньше от его тако- го не слышал.

Обнял, поцеловался.
— Это вот тебе от нас подарок. От меня и от моего друга Валентина. Знакомись. Валентин протянул мне руку, а Кирилл — щечка.

Возвращаемся к сегодняшнему утра. Кирилл заныл, спросил у него самого, у нас анкетных данных не имеется. Мы его се- годня утра обнародовали на палубе...

Но тогда мне было не до щечки: а у Ки- рилла и у Валентина красовались комсомоль- ские значки, а я, дурень, когда ехал их встре- чать, снял свой: боялся насмешки Кирилла. Ведь раньше он и слышать не хотел о комсо- молье. «Мы пираты», — говорил он. — На что комсомолу нужны такие, как мы? Обойдутся они и без нас...

Кирилл первым прыгнул в лодку и уехал за исхода. Я хотел было сесте за вторую руку но меня опередил Валентин. У него, кроме чемодана, был еще длинный сверток в мате- рчатом чехле. Сначала я подумал, что это штатив для аппарата, но оказалось — утюжок. Я сел на кормовое сиденье и отложил лодку. Мне настоятельно хотелось немедленно рас- пространиться Кирилла, где он был все это время, что делал, когда стал комсомольцем. Но, зная характер Кирилла, я предпочел бы по- добные вопросы задавать лодочнику перехваче- нному браню. По крайней мере браню в ответ не могло отступить ядовитой улыбкой или еще хуже, увесистого податыльника. Потому я спросил только:

— Надоело ли домой-то?

— Да вот поживем — увидим, — неоправ- данно ответил Кирилл и тут же рассмеялся. Нет, так Валентин поспирит на эту пиратку! Уж это-то, а в-то знаю его до последней ко- сточки, все его мысли могу вслух повторить, но он делает вид, что ему все безразлично, марку держит Молодец, Сашка! Но только я тебя мучить не собираюсь: все как есть расскажу. — С художественными подробно- стями...

И он все рассказывал. Рассказал о том, как убежал из дому, как поступил на работу и в школу работать молодежи, как держал экза- мены, десятилетия в институте, учился и работал, как подружился с Валентином.

Я слушал Кирилла, радовался, что он как с равным со мной разговаривает, и в то же время какой-то черной точил мне душу: обидно было, что Валентин сыграл в жизни Ки- рилла гораздо большую роль, чем сыграл я, что ему он многим обязан...

Во мне зрело чувство неприязни к Валенти- ну. Я смотрел на него и все старался подметить какие-нибудь близкие черты, но, кроме обыкновенной его близорукости, ни в чем обманял не имею.

— Наверно, он какой-нибудь такой... слитком умный. Наверно, все время ухит- — это нельзя делать, это не по-комсомольски, — думал я. — Вот закури и сейчас, и он мне целую лекцию прочтет о вреде курения...

Я тут же достал кисет, газету и стал вертеть самокрутку.

— Уже куришь? — спросил Кирилл, улы- баясь.

— Давно... — ответил я и вызывающе по- смотрел на его приятеля, а он бросил грести, сползônio протянул руку, взял кисет, помолчал табак и ловко стал свертывать «козью ножку».

— Кирилл у нас парень ничего, только уж больно выдержанный, — сказал Валентин, подмигивая сквозь стекла очков. — Не лжет, не курит, а это касается девушек, так за версту обходит...

С приездом Кирилла мы жили в шалаше на шестой дамбе. В деревне появлялись редко: приходили только за хлебом, солью и картош- кой...

Прошли мы на дамбе с неделю. Дни эти останутся у меня в памяти на всю жизнь. Мы спали больше днем, чем ночью: ведь летние ночи жароты, заря с зарею сходится. А кто из нас спал ночью? Соседи не спались на постели, когда небо над рекой полыхает всеми цветами радуги! Когда трамвай бьют

сказат, что больше троную твою душу: закати или восход!

Я честно могу сказать, что до Валентина я редко когда смотрел на восходы и закаты.

А если и смотрел, то только затем, чтобы определить: будет завтра ненасть или ведро. А вот сел со мной радостный Валентин, как говорит в школе, «своими словами» рас- сказывать о том, что творилось на небе и на земле, и глаза у меня как будто иначе стали видеть и душа по-иному чувствовать. Кирилл в такие моменты немел, как судак. Хотел и смот- рел он вместе с нами на небо и Волгу, но, по- моему, ничего не замечал. Он точно искал что-то в этом цветущем мире, а ведь когда, к примеру, ягоди ныщ в траве, так самой приятно-то не замечашь...

Может, Валентину было и невдомек, а я-то знал, почему Кирилл часами сидел молча, уставившись в одну точку.

Замечал я и то, как жадно ловил Кирилл каждое мое слово, когда я возвращался по деревне. Конечно, Кириллу от матери было известно, что Настя учится, что приехала она в прошлом году. Может быть, и о том знал, что я ее на пристань провожал... Но никогда ему было не узнать, что она меня поцело- вала. Это от всех зашикрывал я в своей душе, запер на пудовые замки.

Настя не приезжала. Сам Афоня не знал, приедет она или не приедет. Он только застал перед всеми, какава у них безбрежная пленяничья. Она, дескать, не только ничего не брала Афоню, Сидит, терзает бороденку ему как понемногу, но каждый месяц. Однако же в Реманках знали, что у Афоня с племян- нией есть какие-то нелады. И Настю, говоря, в слезах видели не раз, и Афоня, слыша, кричал частенько на весь дом бабьим го- лосом. Но что происходило в доме Афанаса, про то толком никто не ведал.

С каждым днем становилось все жарче и жарче. Дождя не было. Все больше мелела Волга. Уже не только плоты «садились» на перекатах, но и баржи порой так «прыткали- лись» на мель, что их сдувало стволками бурсы. Появились и «пираты» — сначала две лодки, потом три.

В субботу Кириллова мать наказала нам пойти в баню. Поднялись мы на бугор по тропинке как раз напротив Афонина полу- древа. Уже в полудни, как и полагаются, кир- пичный, верх рубленый, на окнах налдинные решетки. Ягляну я в окно Настини комнаты и чуть не закричал: Настя в окне, на нас смот- рит... Повернулась она, оперлась на подокон- ник и пригласила.

— Банюшник! Король вернулся... Дождался... Когда сватов-то зысылать будешь? А я не ду- маю, ведь ждать не стану. Не желаю в де- вках пропадать... Возьму и выйду... Хоть за дружка тогого, за Саньку...

Сидя, слов принула она нам, встала. Он точно на солнце посмолот, ослеп и пошел, спотыкался, прочь от окна. А я губы засек, ослепиться стал: мне камнем затолосило запустить в его окно. Но тут Валентин положил мне руку на плечо, отстранил и снял. Отрикнул и снял. Пошел на шаг от окна, посмотрел на Настю и сказал, не повышая голоса:

— Красивая выш... Такой вот я и представлял вас по его рассказам... Красивая... Только серд- цедел так не иначе, как и шастуноу за- речку упрятано... Ну, хорошо, Кирилл от вас бе- жете... Вы сами другого такого найти не можете... А Саньку вот за что обидели!

— Нет... Нет!.. Я совсем не хотела обидеть Саню, слов принула она нам, встала.

— Но строве нас ждала ностоя... из Горь- кого пришла землечерпалка чистить фарватер у шестой дамбы. Она начала работать с вече- ра, и нам сразу стало ясно, что с жерехами, окунями, судаками и щуками нам придется распрощаться. О лещих уж и говорить не при- ходилось: над рекой поднялся такой стон, бу- до из той черпалки жили начали вымыва- ться...

— Ты куда это меня звали! — принялся врать яутро Валентин. — Этак из меня по- лунится не врач-психиатр, а самый настоящий псих...

— Не бойся... Окажам первую помощь, — за- смеялся Кирилл, — свяжем... Но если это дей- ственно тебе соответствует тебе на нервы, мы можем перебраться на ту сторону...

— Нашел выход... Считаю, что на дамбах

при таких условиях одна только дуря-рыба клявет будат.

Дурь-рыба оказалось немного. Мы стали чаще ночевать в деревне.

И всякий раз, поднимаясь в деревню, встре- чали Афоню. Сидит, терзает бороденку паль- цами и смотрит на Волгу.

— Ну как рыбалка, студенты!

— Черпалка все дело портит, дядя Афанасий, — почитительно отвечал Кирилл.

— А вы бы в Шелювский затон поехали. Се- точкой бы там, — советовал Афоня.

— Да ведь сеточкой бозяно, — улыбался Кирилл. — За сеточку рыбацодор по головке не поглядит...

— С каких это пор ты, Кириша, стал таким пугливым! Тогда бороздил рыбалку и зай- мился настоящим делом... Я все возьму на старых условиях, — как будто предложил Афоня.

— А что это за настоящее дело? — спросил Валентин.

— Пархават, — усмехнулся Кирилл и вдруг, приостановившись, добавил. — А что если на самом деле трянууть старинной! Тут и душу можно потешить, да студенту и лишняя копейка не обузат!.. Как думаете, пираты!

Конечно, Кирилл Больше спрашивал у Ва- лентина, чем у меня. Ем у и голову не при- ходило, что я могу сказать «нет», а я сказал.

— Что такое? — опешил Кирилл. — Я не слышался? Ты сказал «нет»?

— Сказал... Я не могу теперь этим зани- маться...

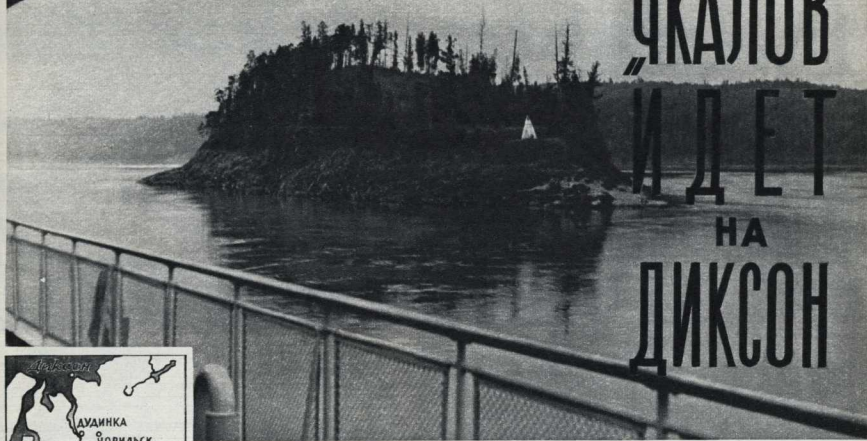
— Почему?

— Потому, что я комсомолец.

— Ты комсомолец! — переспросил он и так посмотрел на меня, точно емю кого-то дру- гого подслушал вместо его Саню Пансо... — Ну и ну, что на белом свете творится! Пираты реут со своим прошлым и становятся эмю со- сознательными... А я, дурень, агитировать тебя собрался, на праведный путь направлять. Даже вот с Валентином по этому поводу совеща- ться...

Они оба принялись хохотать на весь берег.

ЧКАЛОВ ИДЕТ НА ДИКСОН

Рейс наш был рассчитан на одиннадцать дней, но продлился девятнадцать: размыгавшаяся штора нагнал в устье Енисея ледяные «поля», и наше судно затерло — дальше, через океан, нас повела ледоколы.

С большим интересом наблюдал я за работой команды — за потовыми режниками, детьми и звуками енисейских шкиперов, рудных штурманов и капитанов. Во время этого трудного плавания они работали четко, как хорошо слаженный механизм. Мы не слышали здесь ни одного бранного слова, ни одной грубости, не видели ни одной ссоры. Этими наблюдениями я поделился с сопровождающим наш теплоход семидесятичетырехлетним капитаном Ильяшником Василием Васильевичем Ильяшником, плавающим по Енисею еще сорок два года назад.

— Да-а... Другая жизнь, — ответил Василий Васильевич. — Нас воспитывали иначе!.. Пять лет, говорите, вы здесь не бывали? По-настоящему это очень долго. Глядите, что мы за это время соорудили!

Теплоход шел мимо гигантского лесопромышленного узла: бесконечная линия заводских корпусов, механизированных деспромтолов, рабочих поселков протянулась по берегам Енисея километрами на двести. В устье Ангары, у деревни Стрелка, возмывается сейчас крупнейший в Союзе шпалорезный завод. Мощные порталые краны грузят готовую продукцию, плавающие самонаходящие краны «Бейхер», изготовленные руками наших друзей — немецких рабочих, поднимают на суда могучие стволы сибирской сосны. Букасы тянут баржи с «зеленым золотом» на красноярскую лесоперерабатывающую базу Базанга. Отсюда тяжеловесные железнодорожные составы увезут древес-

«Кораблики» — живописные острова на Енисее.

Три поколения моряков: один из старейших капитанов Енисейского пароходства В. Ильяшник, капитан С. Фокин и курсант Ленинградского нахимоского училища Б. Константинов на теплоходе «Валерий Чкалов».

В этом году мне довелось совершить поездку по Енисею от Красноярска до острова Диксон. Мы ехали на комфортабельном трельяжном речном лайнере «В. Чкалов». Бел теплоход комсомольско-молодежный экипаж, возглавляемый тридцатидвулетним капитаном Степаном Фокиным. Первому штурману, заместителю командира корабля Кеше Колесову, было двадцать пять лет, второму помощнику — столько же, боцману — двадцать три года, руднику — лет по двадцать, матросам — еще меньше, а масленщикам-практикантам — и вовсе лет по шестнадцати—семнадцати.

Теплоход представлял собой комплекс сложнейших механизмов и приборов, специально установленных для того, чтобы обеспечить безопасность плавания в условиях бурного Енисея. Чувствительный радиолокатор позволял видеть не только очертания берегов или льдин, но даже в отдельные бивень, эхограф непрерывно выписывал на ленте профиль дна, эхолот показывал глубину под килем...

Так выглядит морской порт Игарка.

В ненецком колхозе имени С. М. Кирова на Таймыре. Медицинская сестра Очи Сидина и ее сын Вася беседуют с писателем Игнатием Рождественским.

ну на новостройки среднеазиатских республик, в Китай, в страны народной демократии...

Наш теплоход подошел к Туруданску. Мимо, по Нижней Тунгуске, самоходные баржи везли продукты, оборудование, материалы. Везли за тысячу километров вверх, в глубины енисейской тайги. Здесь сошел на берег наш попутчик — ученик Ленинградского нахимовского училища Виктор Константинов, прибывший в отпуск домой... Мы миновали Игарку, подошли

к Лудинке и отсюда на поезде отправились в Норильск. Северный полярный круг мы пересекли еще выше Игарки...

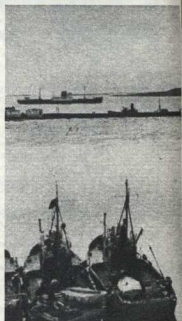
Норильск расположен у семидесятой параллели, в районе вечной мерзлоты. Но, как и во всех советских городах, на его площадях и улицах зеленеют цветники и скверы. Около ста тысяч жителей населяют город. Только за последние полтора года по путевкам комсомола сюда прибыли шесть тысяч юношей и девушек.

Летом дети Норильска отдыхают в пионерском лагере «Таежный». Лагерь принимает ежегодно около пяти тысяч советских ребят, почти исключительно из далеких заполярных городов. Здесь пионеры проводят шестьдесят пять дней в году. Лагерь прекрасно оборудован: канализация и водопровод, спортивные площадки, ферма юнатов, плавающие бассейны для купания с регулируемой глубиной дна, мастерские. Пионеры живут в нарядных теремках, построенных в древерусском стиле.

Мы миновали Усть-Порт на Енисее и подошли к конечной цели нашего путешествия — острову Диксон, который недавно стал самостоятельным административным центром — районным поселком. В состав этого района входят сам поселок — крупнейший транзитный и перевалочный порт в Арктике, — зимовки, разбросанные на материке и на окружающих островах, а также два чумные арктические станции «Северный полюс-6» и «Северный полюс-7». Здесь, в Диксоновском районе, мы видели неенкине чумы рыболовецкого и охотничьего колхоза миллионера имени С. М. Кирова. Рядом с чумами стояли стандартные дома. Ненецы переселяются в коттеджи, привыкая к ним постепенно: днем живут в домах, а ночуют в чумах. На научной станции, приютившейся среди огромнейших дикого камня, ведутся работы по плану Международного геофизического года.

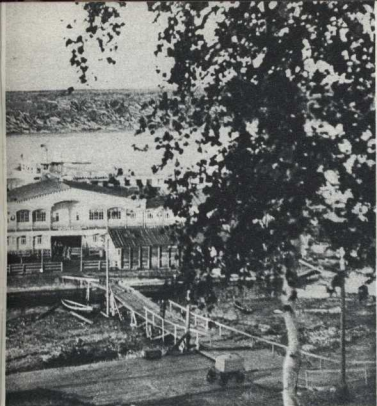
Всюду, где бы мы ни побывали, совершая это увлекательное путешествие, мы видели, как расцветает жизнь на дальней северной окраине. Здесь все поразительно и плавающие научные посёлки, и каменные громады Норильска, выстроенные на вечной мерзлоте, и ледяное уральище, вырубленное а гирте для Устьлиторговского рыбокомбинатного завода, в камерах которого, как дрова, штабелями лежат полуготараметровые острей и масштабы енисейского лесопромышленного узла — все говорило о самозабвенном творческом труде советского человека.

А. ГАРРИ

У каменного берега

острова Динсон выстроились в ряд рыболовные траулеры.

Охотник-зверолов Н. Бондарчук со своими четвероногими помощниками.

У причалов острова Динсон.

Фото
В. Фомичева.

Когда в космос взвились первые советские искусственные спутники Земли, во всех уголках мира люди заговорили о достижении советской науки, о советской системе народного образования, которая подготовила высококвалифицированные кадры ученых и инженеров.

Действительно, народное образование в нашей стране поставлено несравненно лучше, чем в любом из ведущих капиталистических государств. За годы Советской власти наши средние и высшие учебные заведения подготовили великолепных знающих и горючо любящих свое дело специалистов. Но решение величественных задач коммунистического строительства, намеченных в семилетнем плане, требует дальнейшего совершенствования системы народного образования. ЦК КПСС и Совет Министров СССР вынесли поэтому на всесоюзное обсуждение тезисы «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране».

В тезисах поставлен вопрос и о заводах-вузах: «Хорошей формой совмещения обучения с производительным трудом является завод-вуз при крупных предприятиях. Заводы-вузы можно организовать, в частности, на базе существующих заводских филиалов крупных стационарных вузов. Возможна также организация при вузах промышленных предприятий и цехов, выпускающих продукцию силами студентов». Таким заводом-вузом был в предвоенные годы Ленинградский металлургический завод. Редакция «Смены» обратилась к одному из воспитанников вуза — заместителю начальника лаборатории паровых турбин И. И. Шибалову с просьбой рассказать об опыте этого заводского института.

В прошлом году к столетию Ленинградского металлургического завода у нас был издан большой юбилейный альбом. Вся дотра и славная история предприятия отражена на его страницах: от выпуска первой продукции завода — небольшой стеноворити — до производства гигантских турбин, которые изготавливает ныне наш завод для Братской гидроэлектростанции.

Когда, перелистывая этот альбом, думаешь о достижениях родного завода, вскидываешь в сознании образы тех, кто в течение многих лет с чувством большой благодарности вспоминаешь вуз, который работал на заводе десять предвоенных лет, с 1930 по 1940 год, и вспоминаешь инженеров, техников и рабочих высокой квалификации.

Наш вуз не был обычным вечерним или заводным институтом при заводе. Завод и учебное задание были органически слиты воедино.

Как же была организована учеба на заводе-вузе?

Вуз был учебным комбинатом, состоящим из трех ступеней. Первая ступень давала общепрофессиональную подготовку в объеме семилетней и квалификацию слесаря или станочника четвертого или пятого разряда. Срок обучения на первой ступени зависел от подготовки учащегося и колебался от полугода до трех лет. Вторая ступень готовила техников. И, наконец, третья выпускала инженеров. Срок обучения на второй и третьей ступенях составлял четыре или четыре с половиной года.

Производственный профиль завода определял и специальности инженеров и техников, выпускаемых вузом. Каждая специальность, в свою очередь, имела три уклона: конструкторский, производственный и монтажный.

Во вуз принимались рабочие заводов, имеющие пятилетний стаж и пятый производственный разряд. Первый набор 1930 года больше чем на восемьдесят процентов состоял из наших рабочих.

Тесная связь обучения с трудом на производстве, теории с практикой была обеспечена аутохтонной системой. Студенты были разделены на два потока. Так, например, первый набор состоял из двух потоков по 100 студентов в каждом. Студенты первого потока занимались днем в течение пяти месяцев и получали стипендию. Студенты второго потока в это время работали на производстве (только в дневную смену) и вечерами три раза в неделю поочередно занимались в институте. На работу их распределяла учебная часть вуза. В последующем семестре эти потоки менялись местами. Таким образом каждый студент проходил основательную производственную практику — от стажа в цехе до чертежной доски в конструкторском бюро.

За десять лет работы Ленинградского металлургического завода-вуза было送出 выпуск дипломированных специалистов из рабочих. Вуз дал народному хозяйству страны 568 специалистов с высшим образованием.

«Мы перевыполнили программу и одновременно готовим свои кадры, — с гордостью говорили ленинградские металлурги в 1931 году в открытом письме «Рабочим заводам и фабрикам всего Союза». — Рабочие работают и одновременно учатся во вузах. Преподвальные силы мы берем главным образом из инженеров нашего завода».

Студенты вуза были всегда на самых трудных и решающих участках. Когда в начале тридцатых годов возникла потребность из новых паровых турбин, турбовозы круглые сутки были на стенде. Как-то раз ночью одному из вузовцев, дежурившему в парюме, позвонил М. И. Шибалов и спросил, как дела на стенде. Вузовец ответил: «Плоха дела идут нормально. Сборка продолжается». «Хорошо», — сказал Сергей Миронович и повис. Но он не повисов, а приехал сам и вместе с дежурным прошел на стенд. «Это хорошо, что выш парком организован постоянный монтаж и установка дежурств», — похвалил он. «Не только парком, но и вуз», — заметил наш студент. «Тогда это дважды хорошо», — улыбнулся Сергей Миронович.

Крупнейшие ленинградские ученые, которые преподавали на заводе-вузе, члены государственных экзаменационных комиссий дали высокую оценку высокому качеству подготовки инженеров. Например, в 1939 году дипломом с отличием получили 70 процентов выпускников.

Отозвываясь на эти товарищеские слова профессор Н. В. Николая, — можно утверждать, что они действительно обладают полноценными знаниями, как теоретическими, так и практическими. Это готовые инженеры, многие из них stanno в будущем, можно так думать, выдающиеся инженеры.

Живые подтверждение эти слова. В числе воспитанников вуза, прошедших путь от простых рабочих до ведущих руководителей производства, — директор Металлургического завода А. А. Арсеньев, главный инженер завода П. С. Чернышев, заместитель главного конструктора водяных турбин С. А. Грановский, веду-

щий инженер Н. Д. Маталин и многие другие. Выпускники вуза работали в и других городах. Это директор Харьковского турбогорного завода М. И. Болычев, главный инженер ХТЗ С. А. Безрезия, главный инженер Калужского завода турбин К. В. Назаров и другие.

Тезисы ЦК КПСС и Совета Министров СССР о перестройке системы народного образования вызвали в нас инженерах старшего поколения, самый жаркий отклик и полное одобрение. И сейчас мы все еще заняты восстановлением на заводе существовавшего ранее института.

Большая группа инженеров разработала практические предложения по созданию завода-вуза с учетом новых условий. Дело это сложное и ответственное, и мы, конечно, нуждаемся в советах и критических замечаниях работников других предприятий страны, и в первую очередь завода «Серп и молот» и Харьковского завода турбин. Сейчас же в свое время были такие же вузы.

Новый завод-вуз должен, по нашему мнению, иметь три звена: профессиональную школу квалифицированных рабочих, из выпускников восьмилетней школы, техникум для подготовки специалистов-производственников и институт для подготовки технологов, конструкторов и научных сотрудников.

Все мы согласились, что форма обучения должна быть «поуотропанной», с полным освобождением от производственных работ во время. Эта форма обучения может быть осуществлена в двух вариантах: либо, как и в прошлом, два потока студентов будут обучаться в вузе, а в свободное время из учебных аудиторий на завод и обратно, либо первые два курса студенты пройдут с полным отрывом от производства, а на последующих курсах будут обучаться в вузе в силу двухпоточной системы.

Всем поступающим во вуз будут предъявляться строгие отборочные требования: законченное образование (школы или техникумы), производственный стаж не менее двух — трех лет и квалификация не ниже пятого разряда, рекомендации администрации и общественных организаций.

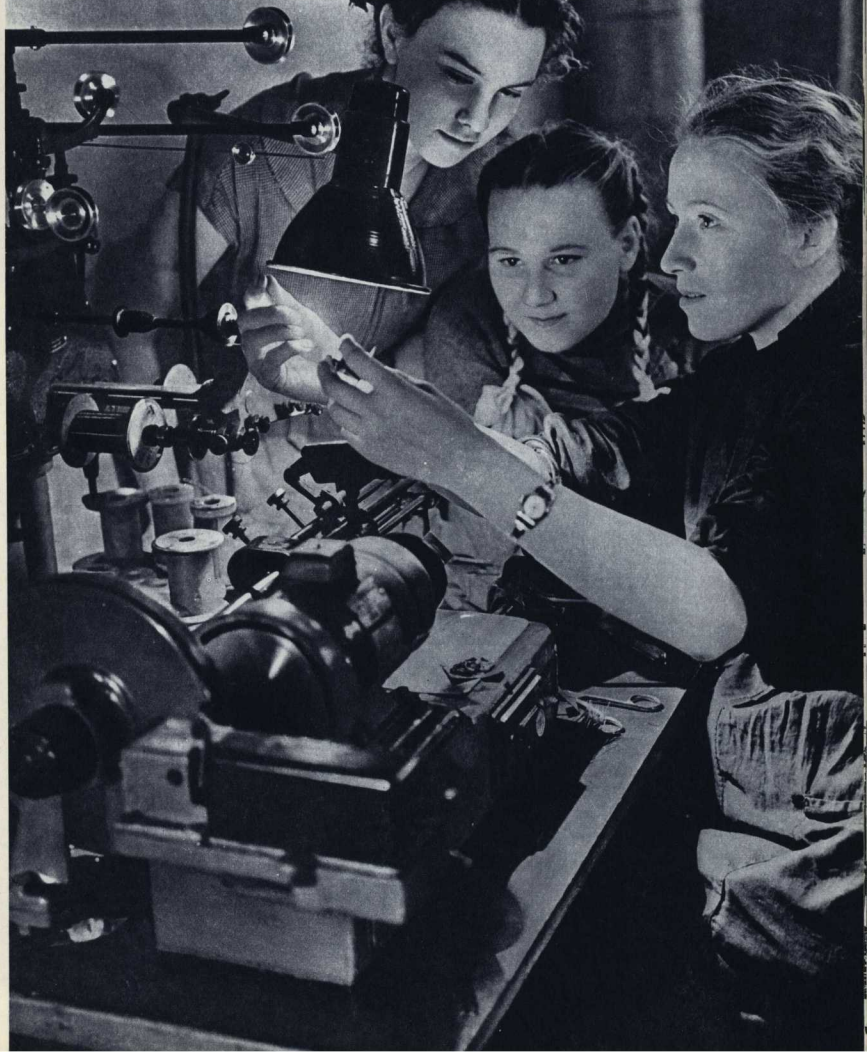
При полном освобождении от работы студенты должны получать повышенные стипендии с учетом успеваемости и семейных условий. На время подготовки дипломных проектов, темы которых рекомендует завод, студентам сохраняется средний заработок.

Мы думаем, что Ленинградский металлургический завод-вуз должен набирать студентов и учащихся и с других, родственных ему предприятий и готовить для народного хозяйства специалистов по следующим профилям: паровые и газовые турбины, гидравлические турбины, насосы и компрессоры, технология машиностроения, теплоэнергетика.

Завод-вуз, по нашему мнению, должен иметь свои условия. Таковы наши планы. Многие еще надо разработать более конкретно, уточнить, еще раз подумать. Но одно несомненно совершенно бесспорно: завод-вуз — это замечательная форма обучения.

Учащиеся девятых классов средней школы № 1 города Москвы один раз в неделю трудятся на заводе «Мертеприбор». На снимке: работница завода Валентина Павлова объясняет дева-тятиклассницам Анне Равицкой (в центре) и Мине Мариной устройство намоточного станка.

Фото М. Озерского.

Всесоюзная художественная

выставка

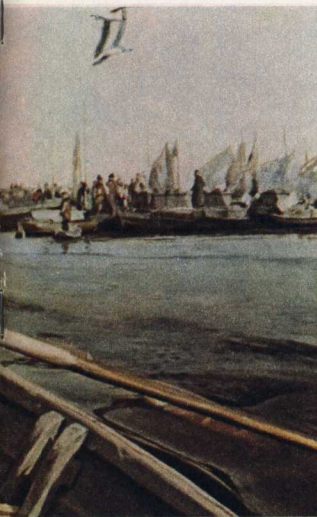
«40 ЛЕТ ВЛКСМ»

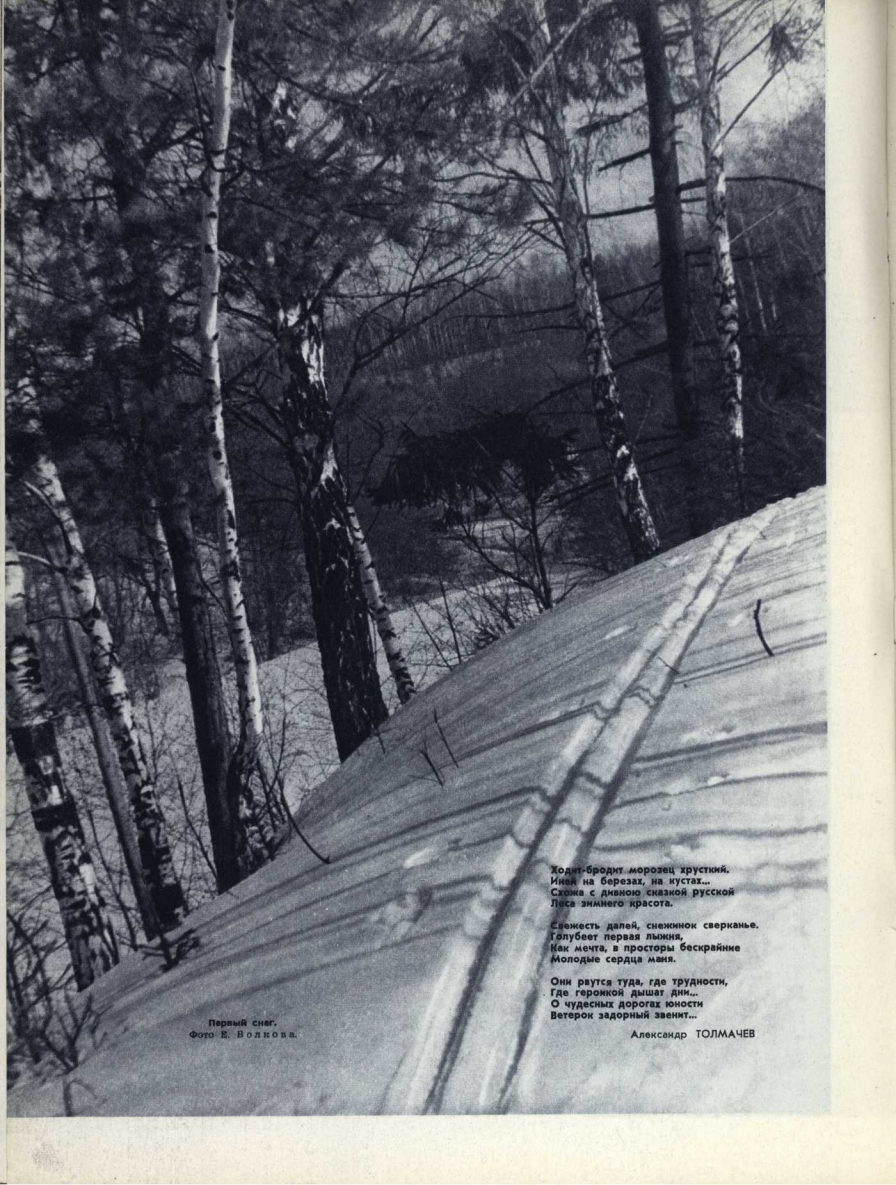

М. Савицкий (г. Минск). Песня.

Я. Осис (г. Рига). Состязание по гребле.

Е. Горовых (г. Москва). В жизнь.

Первый снег.
Фото Е. Волнова.

Ходит-бродит морозец хрупкий,
Иней на березах, на кустах...
Скромна с дивною сказкой русской
Леса зимнего красота.

Свежесть далей, снежинок сверканье.
Глубеет первая лыжня,
Как мечта, в просторы бескрайние
Молодые сердца меня.

Они рвутся туда, где трудности,
Где героинки дышат дни...
О чудесных дорогах юности
Ветерок задорный звенит...

Александр ТОЛМАЧЕВ

Летчи себе

Вл. ЛИДИН

Рассказ

Летом Болотников никуда не поехал, а остался в Москве дописывать свою работу. Есть какая-то особая отрада остаться на лето одному в опустевшем городе. Близкие и друзья где-то на дачах или на курортах, телефон звонит редко. Днем белые плотные занавески смиряют жару, которая льется за окном, а вечера долги и задумчивы, где-то в палисаднике тренькает мажордана, и сквозящие буквы неоновых вывесок рано зажигаются в бледном небе. А потом наступают поздние сумерки, когда хорошо работать при открытой балконной двери, откуда пахнет банной теплотой разогретых за день и полдню асфальта.

Утром, очень рано, на карнизы окон и перила решетки балкона прилетают голуби, которых развелось в Москве чуть ли не больше, чем воробьев. Голуби дремлют и нежно пошевеливают началом утра, кажется, что где-то журчит фонтанчик, и вот постепенно наплывают слова, корни, слова и весточки индоевропейские звуки, с чем связана его работа по языкознанию.

Но однажды утром, полупроснувшись, Болотников даже улыбнулся: голубь, расхаживая по карнизу, явно напевал какой-то знакомый мотив, вроде «С добрым утром, милый город». «Что ж,— усмехнулся Болотников сам себе,— ведь недалеко конструктория... Мало ли голубей через открытые окна слышат всяческих вокализов!» Но постепенно проснулся, он все же определенно услышал мотив и открыл глаза. Несомненно, кто-то возле его кровати мурлыкал песенку. Он посмотрел с открытыми глазами, прислушиваясь, потом нацупил на стояние очки, надел пижаму и, подойдя к двери балкона, которую оставлял на ночь открытой, раздернул шторы. На балконе никого не было, но сверху свешивалась люлька, а девушка-маляр в синем комбинезоне, стоя в люльке на уровне головы Болотникова, красила дом.

— Гм,— сказал Болотников, несколько пучка глаза под очками,— таких голубей я еще не видел.

— Разве я похожа на голубя? — спросила девушка весело, перегнувшись через боковую перекладину люльки.

— Она интересна, но все же слегка озадаченно смотрела на этого появившегося на балконе человека с торчащими по-детски волосиками над облысевшим лбом и редкими усиками под маленькими вздернутым носом. Он был мал ростом, слаб и в своей голубой лодосатой пижаме походил на подростка.

— Да как бы вам сказать... До сих пор у меня на балконе появлялись одни голуби, так что остается предположить, что вы одна из их разновидностей,— сказал Болотников.— Между прочим, я и не знал, что наш дом начали красить.

— Да уж мы почти кончаем работу,— обиделась девушка.

— Правду сказать, я так занят, что даже не замечал этого.

— А вы чем занимаетесь? — поинтересовалась девушка.

— Она была белокурой, почти золотисто-белокурой, и смешной колап, сделанный из газет, как у заправского маляра, с навязной личностью отдал ее молодые черты.

— Я по специальности языковед... сейчас пишу одну научную работу.— Он не стал разъяснять, что такое языкознание, уверившись, что девушка вряд ли слышала про такую науку.— В общем, не буду вам мешать, действуй!

Он пошел мыться и готовить холодящийся завтрак, чтобы пораньше, пока еще не стало жарко, приступить к работе.

Когда полчаса спустя он вернулся в свою комнату и выглянул на балкон, люлька была уже пониже.

— Извините, но я заглянула к вам в комнату,— повинилась девушка.— Сколько у вас книг, прямо можно позавидовать!

— Такая уж у меня специальность, без книг мне не обойтись. А вот на этой полочке книги, которые я сам написал,— сказал Болотников скромно.

Девушка быстро присела на корточки.

— Правда? Покажите какую-нибудь книгу.

— Материю для вас, конечно, скучнейшая,— вздохнул Болотников.

— Он подумал и достал одну из книжек.

— А вы знаете чешский язык? — спросила девушка неожиданно, осторожно динств книгу, чтобы не испачкать ее в краске.

— И польский знаете?

— Знаю немного и польский. Я ведь славяв.

Девушка вернула ему книжку с таким уважением, что он даже усмехнулся: уж не пришла ли она слово «славяв» за какое-то высокое звание? Было, однако, в ее неважничестве, во внимательных серых глазах, даже в смешном колпачке нечто чрезвычайное мягкое и респектабельное к себе. Но все-таки появление этого «голубя» было несвоевременным. «Пора за работу, Василий Кузьмич, пора за работу! Экий вы стали разговорчивый!» — сказал он мысленно себе. Он сдвинул штору, сел за письменный стол, приладил поближе нужные справочники и начал писать.

Белая плотная занавеска на окне все сильнее являлась свечено. На улице уже было жарко, изверело. Не ворковали и голуби: к полудню они обычно примолакли, разогрившись на солнце. Когда наконец он сделал передышку и подошел к балконной двери, за ней уже никого не оказалось: не было и люльки: очевидно, начался обеденный перерыв. Болотников несколько разочарованно оглядел пустой балкон, потом переулегся через перила и посмотрел вниз: люлька стояла на земле, никого вокруг не было. А потом ему нужно было уйти по делам, и когда к шести часам он вернулся, на этот раз приметил, что фасад дома заново окрашен в приятный желтый цвет, никого из рабочих уже не было. И вечер пошел своим порядком — долги, медленно гаснущий, томный вечер жаркого июля.

На другое утро Болотников услышал обычное бормотание голубей на карнизных окнах и еще какой-то осторожный шестелестный звук. Он открыл глаза, вслушиваясь, и понял, что это кричит за балконной дверью.

— Что же вы сегодня бед песенки? — спросил он помиде, выйдя на балкон.

Девушка красила, стоя на самом балконе, а люлька висела рядом на уровне перил.

— Зачем же будить вас? Я и так разбудила вас вчера.

— Напротив, ваша песенка напоминала мне что-то очень милое из моей жизни. Кстати, почему вы заинтересовались, знаю ли я чешский и польский языки?

— Я заглянула в вашу книжку... Ведь у вас там сравнительные корни слов.

— Ну да... разумеется,— сказал Болотников, устыдившись, что усомнился вчера, поймет ли девушка его науку.— Штудя эта, между прочим, весьма увлекательная. Ведь по языку можно определить и движение народов, и их расселение, и все на свете.

Ему теперь уже захотелось возможно доспнее рассказать об основах языкознания.

СИБИРСКИЕ СТИХИ

Рассказ строителя

Он человек, выдавший явды.
Но, и сожалению, таково,
что, прямо скажем не в обиду,
связать не может пары слов.

А мне казалось, чуть здесь же —
наводит волнующий рассказ:
и падает в забытьи без слышания
и горечь вылетит без прирасс.

Но нет. Сногная палитрость,
со мной он радостно сидит,
в ответ на все мои вопросы:
— Да так, работаем,— твердит.

Да так. Работаем... и точка.
Не скажете проще и верней.
В его рассказе — только строчка,
но прочитать его сумей.

И мы, друг друга понимая,
молчим, смущенные слегка.
Зато шумит, не умолкая,
отныне пленная река!

После бури

Она рассмелась вначале,
придя к рыбакан на баркас:
А где моего потеряли!
Глаза опустив, отвечала:
— Разыщём... Отбился от нас...

Назавтра их встретила снова,
и грохот байкальской воды
у ног раскатился сурово.
Спросить не пожелал ни слова,
боюсь вероятной беды.

— А вы еще называете вашу науку
скупнейшей материей,— сказала девушка укоризненно.

Он задумался на миг, хотел было
спросить ее, почему она избрала себе
специальность маляра, но удержался: мало ли по каким
причинам человек избирает себе ту или
другую профессию!

— Меня зовут Василий Кузьмин. А фамилия
моя Болотников,— представился он.
— Вы не дали бы мне, Василий Кузьмин,
посмотреть какую-нибудь из ваших книжек?
— попросила девушка так, словно они
были уже давно знакомы.— Я завтра верну
вам.

— Что ж, всегда польщен. Признаться,
у меня никогда еще не было читателя прямо
с небес. Я полагаю до сих пор, что на это
способны только ангелы.— Он поискал на полке
что-нибудь подоступнее и нашел свою
книжку «Общие корни слов в славянских
языках», изданную в серии научно-популярной
библиотеки.— Если будете что-либо
нужно, пометьте на полях. Можете не стесняться,
у меня есть несколько экземпляров.

Данное, каким девушка раздвинула
«молочное» на своем комбинезоне и бережно
спрятала книжку на груди, его тронуло. Ах,
ангелы, ангелы, каких только облик
не принимают они ныне! Потом он вернулся в
комнату и сел за свой стол. Но что-то все
время приставало к нему, какие-то волосы
и лупиники, и он с превеликим вниманием
снял их с кончика пера, не признавая
себя, что работает совсем не клеится.

В жизни человека много случается, что
набегит вдруг что-то простое и нужное или
даже мешающее ему и неожиданно начинает
играть роль в его размышлениях и настроениях.
Почему эта, вчера еще бездумно
наваленная девушка сегодня сторожко шуркает
своей малярной кистью, боюсь разбу-

Но вдруг подогнулись колени,
земля пошатнулась под ней.
Молчате. В такие мгновения
оставше свои утешенья.
Молчате порою нужней.

Она родилась на Байкале:
все было переплели сама.
Откройте лишь правду вначале:
где лодка, которую звали
отчаянной клычкой «Сарма»!

Сварщик

Над бездной, где шумит поток,
он встал на самой верхотуре.
Надвину на глаза щиток,
приник к железной арматуре.

Рука привычно поднималась
с короткой палочкою черной —
и с треском молния заискрится,
горит и светится опоро.

Над головой дымок повис,
уходит вверх, тихонько так.
А грохот расклеванных искр
из-под его ладоней визг
горящих сыплется, сгорая.

Сюда с экскурсией с утра
пришла из школы детвора.

Глядет мальчик, разинув рот,
терзаясь завистью душевной,
как летит молнией свет
хозяин палочки волшебной.

Он сам вчерашний ученик,
а руками отбойки до зарезу:
поднимет палочку — и вылетит
железо приникит к железу...

1 Сарма — штормовый ветер на Байкале.

дять какого-то совсем безразличного
эпизода? Но разве все-таки это не одно
чуждое время, что малая заинтересовалась
его наукой?

Утром уже никто не шуркал кистью
сваржи, и, когда Болотников вышел на балкон,
лолька висела этажом ниже. Девушка
работала, ни разу не поглядела наверх,
и он вернулся в комнату. Но час спустя,
когда он уже сидел за работой, откуда
произошла новая дверь. Лодочку подвинули
на уровень балкона, и девушка протягнула
Болотникову его книгу.

— Большое спасибо,— поблагодарила
она. — Теперь над каждым словом
невольно задумываюсь: отбойки до зарезу!
— Например, над словом «малар»,
отозвался он расположено.— По-немецки
«малер» — это живописец, по-польски
«маларство» означает живопись. Видите,
от каких корней произошло название
вашей профессии!

— Просто замечательно, когда так
знаешь происхождение слов!

— Ну, не всегда мы знаем происхождение
слов,— скромно ограничил он масштабы
своей науки.— Некоторые заманчивающие
до сих пор остаются неясными для языковедов.

— У меня к вам большая просьба,—
сказала девушка, помедлив.— Мне очень
хотелось бы посоветоваться с вами
насчет одного дела, если у вас
найдется как-нибудь свободных
минут.

— Отчего же, любезно согласился
он, к вашему услугам. Заходите ко мне.
Например, в воскресенье: по воскресеньям
я позволяю себе небольшой отдых.
Приходите в двенадцать. Мои
квартира № 38.

Потом лодочка поплыла
вниз, девушка стала думать
еще меньше и меньше и, уже
стоя на земле, помахала ему
рукой.

Воскресенье выдалось непогодное,
шел дождь, и Болотников решил,
что девушка не придет. Но ровно
в двенадцать позвонили,
и он заторопился открыть дверь.
За дверью вместе с девушкой
оказалась еще одна девушка,
помощница, помоложе, но в
той же степени пожлая
на старшую, словно это
была ее уменьшенная копия.

— Извините, что я привела с
собой свою сестру,— сказала
старшая смущенно.— Но
именно насчет нее я и хотела
посоветоваться с вами.

Болотников провел девушек
в свою рабочую комнату,
и они сели сбоку его стола.

— Знаете, Василий Кузьмин,
в одном отношении получилось
както-то не очень складно
— сказала старшая, краснея,—
но вы, конечно, не рассердитесь.
Получилось так, словно
я вела вас в заблуждение.
Я не сказала вам сразу,
что я студентка строительного
техникума и мы проходим
сейчас летнюю практику,
а потом было уже как-то
неловко повизгивать.

Болотников задумался
на миг, слегка озадаченный.

— Что ж,— сказал он затем,
— будем считать это
тоже одним из чудес
нашего времени.

— А посоветоваться, Василий
Кузьмин, мы хотели вот
насчет чего: Милочка,
моя сестра, только что окончила
школу, и мы никак не
можем решить, куда ей
дальше пойти. А на днях,
прочитав вашу книжку,
я дала посмотреть ее
Милочке, и она так
заинтересовалась ею,
что хочет непременно
учиться по вашей
специальной книге. Что
вы посоветуете, Василий
Кузьмин?

— Подумать только,—
поднялась Болотникова,
— как появляются
иногда на свет
языковеды!

Он посмотрел на младшую
сестру, на ее чистый
ребячий сермяжный
лицышко, и вгляделся
на такую же, как у
старшей, золотистую
прядку волос,
выбывшую из-под
беретки.

— Милочка,— сказал он
душевно.— По-болгарски
«милчо» означает нежно,
трогательно. По-немецки
значит «любить». Не
посудите ли, а по-русски
у Пушкина прямо
сказано: «И славит
сладостный певец
Людмилу-прелесть...»
К этому и добавить
ничего. В общем,
поработайте где-нибудь
годик — другой,
присмотритесь к жизни,
послушайте русскую
речь, и если уж
действительно
будет влекать вас к
эстам, приходите ко
мне, я приму шефство
над будущим
языковедом.

Он снял очки и поглядел
девушке в глаза
своими большими
глазами.

— Это не очень
нескромно, Василий
Кузьмин,— спросила
старшая,— если я
попрошу вас
подарить мне одну из
ваших книг? Будет
так приятно
сохранить ее на
память.

Болотников подошел к
полке, достал
именно книжку
«Общие корни слов
в славянских
языках», подала
минуту и написал на
ней: «Молодой
студентке от старого,
очень старого
языковеда».

Потом он решился
предложить девушкам
по доброму
волюю из лежавших
в глубокой тарелке
на столе.

А потом девушки
ушли. За окном
был серенький
день, казалось, что
уже недалеко до
осени. Дом
покачивал в
теплый
золотистый
цвет, словно
загорел за лето
на солнце.
Болотников подошел
к балконной двери
и приржал
ее: теперь уже
никто не мог
окликнуть
его с балкона,
а гудки
прилетят
утром в
общее
время
и начнут
шуршать
возвратно,
и он
вспомнит
лодку,
и девушку-маляра,
и булыжник
коллаке,
оказавшуюся
студенткой
строительного
техникума,
и все то
молодое,
оживленное
и удивочное,
что так
визгало
заметало
в его
рабочую
комнату.

— Что ж,
поможем
поможем
вам,
молодой
будущий
филолог,—
сказал он
вслух
самому
себе.—
Поможем
вам
разобраться
и в
корнях
слов
и в
их
значении.
Предвкушайте
ваши
будущие
нахождения
и радости.

Он сел к столу,
достал
рукописи
и принялся
за работу.
Все в его
рабочей
комнате
было
по-прежнему,
только
немного
пало
исподним,
совсем
немного...
Ну, и это,
конечно,
остается
пожелать,
чтобы
молодой
филолог
нашел
корни
таких
прекрасных
и счастливых
слов,
как
может
быть,
еще
даже
и не
предумывая,
но
их,
несомненно,
придумает.

Три человека...

1

Николай Телегин шел через тайгу всю ночь. Он торопился, потому что не был дома три года и потому что извешен хором в Сибири не шутка. Дышалось легко, Николай почти не чувствовал усталости. Только очень хотелось пить.

Уже совсем рассвело, когда Телегин остановился у крайней избы городской деревни. Увидев на крыльце занатую пожилую женщину, он постучал в калитку.

— Водички не вынесете, тетя? Пить хочу, помарно! Всю ночь не пивши!

Женщина, из угла Николаю, стояла в дом и молча поставила на перила жестяную банку из-под консервов.

«Кружки нет, что ли?» — удивился Николай, но махнул рукой и поднес банку ко рту.

И тут же, не пригубив, отшвырнул жестянку в сторону: от посуды отвратительно пахло кошкой.

2

В начале восемнадцатого века никегорский архиепископ Питирим принял обращать в православную веру белых крестьян-раскольников, селившихся в глухих лесах по реке Кедренке. За двадцать лет почти все селы раскольников — приверженцев «старой веры» — были сожжены. Остатки старообрядцев, «кержанцы», бежали за Урал, в Сибирь.

Потомки ссылаются до сих пор живут где-где сяд на нас. И как люба другая, не вера жинца, она еще не исчезла. Всякий посторонний, верующий или неверующий, для старообрядцев-ссыланцев — «поганый». Собьется с другим попоросом в дом — не пущают, выгнать чует есть — не дадут. Дотронется до посуды — разобьют ее. Воду вынесут в банке, из которой пьет кошка...

3

Прошел почти год, Николай с матерью переехал в рабочий поселок, работал на руднике. Комсомольцы участка избрали его своим комсоргом. Все было бы хорошо, если бы...

Пока Николай служил в армии, его мать еще больше ушла в свою «старую веру». Николай пробовал говорить с ней о боге, о религии — все напрасно. Он встречал только молчаливого, тяжелого сопротивленца.

Весной Николай женился, и молодая жена Наташа переехала к нему в дом. У них родилась дочь Ирина. Но счастливая улыбка, которая появилась на лице Телегина в тот самый день, когда Наташа согласилась стать его женой, все чаще и чаще сменялась выражением озабоченности, тревоги, горя.

— Однажды Наташа кормила ребенка. В комнату кто-то вошел. Наташа оглянулась торопливо, почти испуганно. В дверях стояла свекровь в тяжелой, грубой одежде, в платке, надвинутом на самый лоб.

— Опять севольничавши! — процедила свекровь сквозь зубы. Не глядя на невестку, подошла к столу и проткнула руку к детской кружечке: — Это что?

Наташу передернуло: руки у свекрови были грязны, давно не мыты.

Зачем дитя портитши? Я ли тебе не говорила: из своей нашки кормить надо, без фокусов нынчеши? Ишь, аптеку развели: сал-феточки, марлечки всякие...

Свекровь схватила со стола детское блюдечко.

— Не смеёт! — Наташа даже не ждала от себя такой смелости. Вскочила и быстро отодвинула в сторону дочкины вещи.

— Гледи, много воль забиритши! — пригрозила свекровь. — Внучку портить не дам! Она

телегинская, нашк кровей, нашей веры. Со своей скину, а не дам! — И, уходя из комнаты, бросила: — Гледи, поганая!

Наташа рассказала о случившемся Николаю. И хоть ему было стыдно за мать, он не знал, как прикрывать эти распри.

— Наташа, она ведь старая... — пытался Николай успокоить жену. — Пусть по-своему думает, все равно ее не переучишь. Мы же своим уютом живем... Она меня чуть не съела за комсомол да за свадьбу, а вышло по-нашему. А ты уж не хочешь уступить ей ни в чем... Ну, не все равно тебе, из чего кормить?

— Нет, не все равно... Как ты не понимаешь, не чувствуюсь? — со слезами на глазах говорила Наташа. — Ты кто? Комсомольец? Ты в каком веке живешь? Может, мне Ирину чужой ложкой кормить? А если, не доведись, заболевет, мне ее наговором лечить или я анжарке несей? Не выйди! Пусть про меня, что хочет, говорит, я стерплю. Но от Ирины чтоб держалась подальше, так ей и скажи!

Наташа расплакалась. Нет, жить в доме, где исповедовали эту отвратительную веру, она не могла. Это было выше ее сил. Это калечило жизнь и ей, и Николаю, и дочери.

4

Гаврилов закрывает за собой полотное дверь с табличкой «Секретарь райкома», снимает полушубок и шапку, присаживается к столу. Сегодня после обеда как будто не должно быть посетителей, можно спокойно просмотреть свое «хозяйство» — комсомольские дела.

Часа через полтора дверь приоткрывается, и в комнату секретаря заглядывает парень.

— Можно с вами поговорить, товарищ секретарь?

— Почему же нет? Заходи!

Парень подходит к столу, пожимает протянутую Гаврилову руку, садится.

— Рассказывай, с чем пришел, — говорит Гаврилов, залививая стопку бумаг в стол.

— Телегин я... глуховатым голосом отвечает парню. — Не руднике работано... машинистом электровоза.

— Комсомолец!

— С пятидесят второго. Вот в этой комнате принимали... Николай повораживает голову, оглядывает райкомский кабинет.

Секретарь замечает в глазах Телегина какую-то давящую и непонятную грусть.

— Выплакывай, что стяралось, Телегин, — негромко говорит он. — Можешь не стесняться! И не гледи ты, покалуйся, в пог: мы ведь с тобой не в церкви, не поклонны бам.

Лицо Николая мрачнеет еще больше.

— Так получается у меня, что не знаю, к кому обратиться. Подумаю, может, райком поможет с жильем устроиться.

Гаврилов удивленно рассматривает Николая, который опять опускает глаза и невесело вздыхает.

— Ты где сейчас живешь?

— С матерью... с трудом выдаливая слова, проносит Николай. — Своей дому у нас, понимаешь... А теперь у меня жена. И дочка родилась.

— Какется, понимаю, — улыбается Гаврилов. — Своей дому, небось, в одну комнатушку, повернуться негде? Ну, рудник ведь строит...

— Да нет, товарищ Гаврилов... Я, может быть, не так объясняю. У нас две комнаты, тридцать восемь метров... Но жена уехала в город, в область, вот уж третью неделю. И дочку увезла... Пишет, что не вернется, пока не будет своей комнаты, отдельно.

Гаврилов уже готов промолвить резкую фразу об аппетитах жены, но выражение глаз Николая удерживает его. Секретарь идет к двери, машинально повораживает ключ. Потом зажигает лампу — на лице уже стемнело — и снова садится за стол...

Рисунок А. Паукова.

После долгого мужского разговора Николай Телегин уходит домой, а секретарь райкома все сидит за столом и думает: как поступить? И утки доносится тупой ночной свист: уже двенадцать. Гаврилов достает из ящика стола чистый лист бумаги и решительно выводит: «Комсомолец Натальи Ремневой...»

5

Заседание жилищной комиссии рудника приближается к концу. Уже распределены почти все квартиры в новом доме, остается последняя, двенадцатая.

— Предлагаю двенадцатую, трехкомнатную, дать Рябичу,— говорит председатель рудкома Фомичев.— Возразжений нет!

Кандидатура Рябичу утверждает единогласно; отдельную квартиру решают дать бригадире слесарей, проработавшему на шахтах добрых тридцать лет. Секретарь комиссии уже выводит в списке его фамилию.

— Кончили,— облегченно вздыхает Фомичев.

Первой поднимается Анна Петровна, секретарь партийного бюро. Но она идет не к двери, а к столу председателя. Начавшись было голосом, Анна Петровна вынимает из маленького конверта листок бумаги.

— Прежде чем мы разойдемся, товарищи,— говорит она,— я должна прочесть вам одно письмо. Его передал мне Гаврилов из райкома комсомола. Вот что здесь написано:

«В Первомайский РК ВЛКСМ от Ремневой Натальи. Товарищ секретарь райкома! Мой поступок, который вызвал распад семьи, я совершила исключительно потому, что не смогла устоять против порядка, завезенного в этом доме. Я комсомолка и не могу скрывать того, с чем я встретилась у Телегиных. Семья религиозна, и эта религиозность постепенно начала распространяться и на нас с дочкой. Секретарь требовала, чтобы я строго соблюдала обряды и порядки ее веры. Я не должна была ходить без платка, но имела право носить платке с короткими рукавами. Еще хуже стало, когда родилась дочка...»

Я не подчинилась, и секретарь возненавидела меня. Николай начал прислушиваться к ее словам. Он пытался противостоять религии, но уговоры матери действовали на него... А она все чаще говорила мне: «Иди, куда хочешь, но ребенка оставь!» Я не уступила и была вынуждена уйти с дочерью из этого дома. Вот и все, что я могла сказать.»

Анна Петровна кладет письмо на стол и повторяет:

— Вот и все, что могла сделать Наталья Ремневой. Но много с вами можно сделать больше! Мухом она написала, что вернется, если она уйдет из дома матери.

Некоторое время все молчат. Потом Фомичев предлагает считать Телегина в числе кандидатов на комнату в новом доме, который будет закончен к лету.

— Мы не обязаны!— заявляет один из членов комиссии.— Пусть у секретаря комнату забирают... Нечего баловаться!

Поднимается шум... Тогда, протискиваясь между стульями, к председателскому столу подходит Семен Арсентьевич Рябич.

— Отказать, конечно, легче всего,— говорит он.— Только правильно ли так будет? Ведь дело-то не только в жилье. Надо думать о душе человеческой, молодой к тому же... Не рано ли мы с вами о полах, о святых да других всяких «божьих» силах забываем? За мамашу молодую я не боюсь. Она, по письму выдать, не садется, А подумать надо, как парня не уступлю. Он злит и клянется, а за него еще поговорить с «кержакими» придется. Я бы «сделал вот так... Разрешите, я здесь прамю карадишком...»

Семен Арсентьевич придвигает к себе список. В нижней строке, где напротив его фамилии написано «квартира трехкомнатная, зачеркивает последнее слово и пишет поверх «две комнаты», а ниже заполняет еще одну, пустую графу: «Телегин, три человека. Одна комната.»

* * *

Герои этой истории живут и трудятся в одном сибирском рабочем поселке. Пожалуй, только они и вспоминают сейчас о домашней бунте Натальи, о том, как из злыбкого счастья молодого человека выросла дружная трудовая семья. Когда секретарь райкома узнал, что я хочу обо всем этом написать в журнал, он удивился:

— Да что тут особенного? Коллектив помо человеку... Ну, а секты? Молодых ведь вырвали...

Но мне этот случай с Николаем и Наташей показался не таким уж простым. Вот почему я и решил все же о нем рассказать, изменив только по просьбе самих героев их фамилии.

Мих. ЧЕРНЕНКО

Кемеровская область.

У самого Обского моря

Большая стройка развернулась на берегу Обского моря. Здесь создается крупнейший научный центр Сибири — Академический городок.

На строительстве городка трудятся сотни юношей и девушек, приехавших сюда, на стройку по комсомольским путевкам.

Многие из них, соревнуясь за достоящую встречу XXI съезда КПСС, добились за-

мечательных трудовых успехов. Комсомолец Михаил Ямкин в эти дни укладывает за смену до 4 тысяч кирпичей, хороших результатов достигла и его помощница Вали Глухова. Умело справляется со своим делом и помощница Валентины Ивановой. Она, бестрепетно обеспечивает строительный участок камнем, железобетонными балками, кирпичом, раствором, щебнем.

По почину комсомольцев строители успешно овладевают несколькими специальностями. Бетонщик Владимир Синицын в нужную минуту может заменить камнями, арматурщиком или монтажником. Мастерами на все руки справедливо называют на стройке Павла Константинова, Петра Гудкова, Павла Проскова. На любом участке они переплюнут смежные задания...

Еще в строительных лесах городок науки, еще только поднимаются стены будущих научно-исследовательских институтов, а у реки Зырянки, что протекает поблизости, уже раскинулся небольшой лагерь экспедиции, направленной сюда Сибирским отделением Академии наук.

Пройдет немного лет, и городок науки превратится в город. И ученые, которые здесь будут жить и трудиться, добрым словом помянут тех, кто строил этот городок, кто вкладывал в свой труд много стараний и любви.

Б. АЛЕШИН

Антон ПРИЩЕЛОВ

Русская песня

И на море, и на суше,
И во всякую погоду
Как люблю я
Петь и слушать
Песни нашего народа!

Песня русская!
Чужден

На усмашку, не ладя,
Видно, лучше русской песни
На земле не существует.

Так и пел бы,
Так и слушал,
С ней работал бы и жил.
Всю свою большую душу
Мой народ в нее вложил.

В песнях — Родина, Россия,
Наша слава,
Наша честь.

Хорошо, когда такне
У народа песни есть!

Виктор КИСЕЛЕВ

Разведчики

В тесном шалаше
на берегу
мы о новом городе мечтали...
Оттеняли усталки тагу,
в соснах
квартиры вымстали.
Красне всех
известных городов
возник он
в наших бурных спорах,
в окружении
парков и садов,
будущий
величественный город.

В шалаше,
не ладя с теснотой,
лишь в одном
сходились мы беспросто:
город запленим такой,
чтобы жить нам
было в нем просторно.

Александр ЛИВАНОВ

Письмо

Ветер с северо-востока,
По приметам, скоро снег.
Ты мне пишишь, что до срока
Хочешь выехать ко мне.

Ну так что же —
На здоровье!
Здесь, в верховьях Иртыша,
Точно в вашем Подмосковье,
Ничье осень хороша.

Как созвездия, на кленах
Листья тонкие горят.
В небе клекот отдаленный —
Птицы вновь на юг летят.

Ну и пусть себе летают —
Птицы выдумской банды.
Телеграммы «вместежю»
Жду, как вестника весны!

Вот он, Домнический щит — цель нашего альпинистского похода.

А. НЕЛИДОВ

ПЕСНИ ДРУЖБЫ В «СКАЛЬНОЙ ХАТЕ»

Фото Ю. Зверева и В. Назаренко.

О первой встрече московских студентов с чехословацкими альпинистами и нашем совместном восхождении на горные вершины в районе Безигийского ущелья уже сообщалось в «Снеге»¹. Сейчас я хочу рассказать о поездке советских студентов в Чехословакию и о штурме наиболее труднодоступных скал в Высоких Татрах.

...Туманным утром поезд медленно проходит под пограничной аркой, и мы на чехословацкой земле. Среди наших семнадцатилетних альпинистов, направляющихся с ответным визитом к чешским товарищам, студенты, преподаватели, научные работники Московского университета, МВТУ и Академии наук СССР.

На перроне вокзала в городе
¹ См. «Снегу» № 1 за 1958 год.

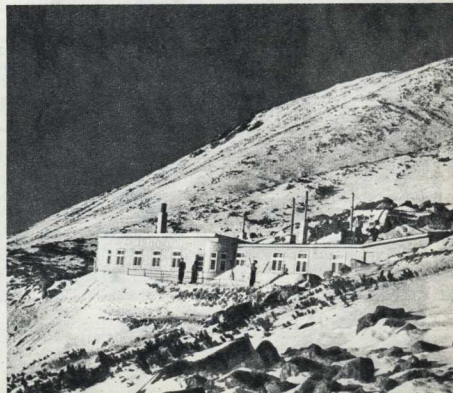
Брно нас встречают крепкими рукопожатиями, засыпают вопросами. Многих встречающих мы узнаем по голосу, хотя лица кажутся нам незнакомыми. Ведь мы привыкли видеть наших чешских коллег в штурмовках и пуховых куртках, загоревшими и небритыми... Неужели этот элегантно одетый молодой человек — Эдчек Франц, тот самый Эдчек, которого мы запомнили в ковбойке и кепке странного цвета? А вот этот юноша, который без конца жмет мою руку, разве Мирек Голличек! Сейчас он больше похож на артиста, чем на того лохматого, обросшего цветной парня, который так бесстрашно штурмовал с нами вершины Кавказа!..

Через несколько дней мы на Палаве — в традиционном месте тренировок альпинистов Брно.

До вершины осталось совсем немного...

А это «Снальная хата». Здесь мы провели незабываемые часы, отсюда уходили вверх, к вершинам Высоких Татр...

Нетрудно сорваться с такого крутого склона...

Пока на костре в маленькой пещерке готовятся незамысловатый завтрак, каждый из нас с восхищением следит за двойкой, идущей прямо над нами. Удивительно легко и изящно ходят по скалам наши друзья! Но мы знаем, какого огромного труда стоит им это извещество.

После тренировок наша группа несколько часов провела в Моравском Красе — громадных пещерах с причудливыми сталактитами, мраморными провалами и озерами. Здесь, над огромным подземным залом, тоже проходит маршрут скалолазов. Высота — 140 метров! Становится не по себе, когда бросаешь взгляд вниз, в зияющую бездну. Но альпинисты не ищут легких путей. Чем опаснее маршрут, тем радостнее победа.

Но вот уже осталась позади Палава. Мы идем на север Чехии, в район песчаниковых скал — в «Чешский рай». Нависающие стены, скальные столбы, узкие отвесные щели...

Посмотрите, как будто легко, а ползешь — трудно, — улыбаясь, говорит Фердинанд Копал, один из сильнейших альпинистов Чехословакии.

Но мы все-таки лезем. Онемевшие пальцы ода ишущают микроскопические зацепочки; требуются невероятные усилия, чтобы не сорваться вниз. Напряжение так велико, что забываешь о холоде. С каждым шагом все труднее становится забираться на эту почти гладкую крутизну. Зато как радостно стало на душе, когда вышли наверх! Мы долго любовались открывшейся перед нами панорамой гор и долин, с наслаждением вдыхали свежий горный воздух...

В Татры нас доставила «электричка», ложащая на маленький трамвай. Загудели тросы подъемника, и через несколько минут мы

С площадки метеорологической станции, расположенной на высоте более двух тысяч метров, открывается великолепная панорама Высших Татр...

уже находились в «Скальной хате».

Альпинистам не привыкать к перемене мест. Но всегда первая ночь на новом месте кажется необычной. До самого рассвета над крышей бушевал ветер, вздымая снежную пыль. А далеко-далеко внизу сверкали электрические огни курортные поселки Татранской Ломницы.

Рано утром начинается восхождение в Высших Татрах. Все выше и выше поднимаются «связки». Только звон ледоруба да редкий стук молотка, забывающего очередную крошку, нарушают утреннюю тишину.

— Здесь совсем как на Кавказе! — говорит кто-то из наших чешских друзей.

И действительно: идти тепло и приятно. Но это только до поры до времени. Неожиданно перед нами вырастает тридцатиметровая стена с нависающим карнизом. Узловое место! Каждый наторживается, нагряга до предела внимание. Теперь уже идешь так осторожно, что ощущаешь руками каждую неровность скалы, и еще медленно продвигаешься от крошка к крошке, от зацепки к зацепке.

— Ну, как, Толка! — спрашивает меня Эмма, одна из наиболее известных альпинисток Чехословакии.

— Добже, Эмми, добже! — отвечаю я, воодушевленный вниманием и заботой этой отважной девушки. Я знаю всего несколько чешских слов, а она — лишь несколько русских, но мы прекрасно понимаем друг друга.

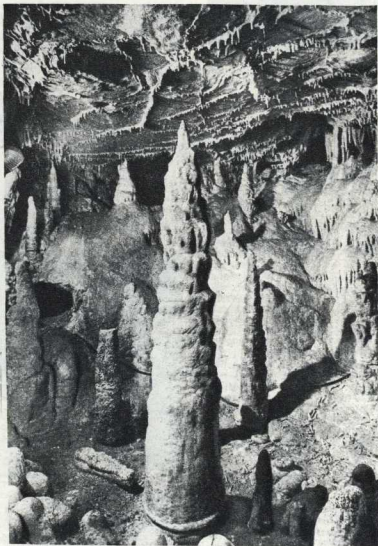
Наконец вершина пика достигнута. Здесь мы встречаем еще одну нашу группу, поднимающуюся по другому маршруту.

После небольшой передышки совершаем стремительный спуск по крутым снежным желобам — кутуралам. Вот и «Скальная хата». Мастер спорта Игорь Ерохин от имени советских альпинистов горячо благодарит чешских товарищей за проявленное к нам внимание и подражает всем с успешным восхождением...

Десять дней пробыли мы в Высших Татрах, десять незабываемых дней. Много раз мы бродили по ущельям Татр, пробирались сквозь жестокую метель в Студеную долину. Пламура меж камней и деревьев, спускались на лыжах с такой скоростью, что свистело в ушах и захватывало дух. Особенно высокую технику показали во время спуска Вадим Павлов и Властик Шмида. Только снежный дымок вился след за ними на поворотах, когда они с головокружительной быстротой петляли среди деревьев и торчащих изпод снега камней. В последний вечер долго звенели в «Скальной хате» чешские и русские песни.

Возвращаясь на родину, мы уносили с собой светлые воспоминания о наших гостеприимных чешских товарищах: об инженере Владимире Вуйте и студентке Алене Груба, о франце Зденеке Франце и бестрашном альпинисте Мирославе Илеке — обо всех, кто делил с нами радость и горести суровой походной жизни в горах прекрасной Чехословакии. Спасибо, о чем скоро мы снова встретимся с ними в горах Кавказа или Тянь-Шаня! Ведь есть еще много непокоренных вершин и непропоренных, трудных дорог.

До новых встреч, дорогие чешские друзья!

В пещерах Моравский Крас мы долго любовались причудливыми сталактитами...

Придя домой, Субботин открыл третью страницу газеты и в третьей колонке, применив шифр, прочитал: «С Ковальковым все в порядке. Поздравляю. Хауссон назначен начальником дивизионной школы в пятидесяти километрах от Мюенхена. Очевидно, и вас не случайно доставили в Мюенхен. Оперативная связь через Посельскую. В самом крайнем случае известны вам телефоны...»

Субботин улыбнулся: молодцы Рычагов! Ровно в девять утра за Субботиным пришла машина. За городом она развила огромную скорость: около ста пятидесяти километров в час. Субботин определил, что они едут на юго-запад от Мюенхена. Посмотрев на спидометр и часы, он высчитал оставшееся по пути расстояние. Когда проехали около пятидесяти километров, шофер сбавил скорость и через несколько минут свернул влево, на грейдерную дорогу.

У подъезда замка Субботина встретил крупный, поджарый человек в штатском, который назвался командантом объекта. Приказав шоферу отвести вещи, командант провел Субботина на второй этаж и показал его комнату. Скала жылые туфли, сказал: — Чувствуете себя как дома?

— Я хочу видеть майора Хауссона, — резко перебил его Субботин.

— Мыш! — Лишь у команданта сразу стало постыдно. — Я ничего не знаю. Моё дело — комнаты, питание, транспорт...

— Все ступа в комнату вошел Хауссон. — Здравствуйте, господин Скворцов! Как чувствуете себя на новом месте? Прощу вас к столу, я кое-что обещал вам... Тут размещена специальная школа. Мы готовим людей для работы в советской зоне Германии и в России. Здесь вы будете жить и работать. Вы назначаете вести дисциплину, которую мы условно назовем «Детализация обстановки». Для курсантов вы преподаватель, которого зовут Иван Иванович. Больше они ничего о вас знать не должны. Ясно?

Субботин кивнул головой. Хауссон дал Субботину неделю на составление плана уроков. Пришлось работать с утра до вечера, так как Субботин не успевал не только план, но и подробные конспекты лекций.

План и конспекты были одобрены. После этого Хауссон познакомил Субботина с остальными преподавателями школы. Для каждого преподавателя тоже был человеком без фамилии, все тем же Иваном Ивановичем. Наконец Хауссон представил Субботина курсантам русского отделения. В тот же день начался занятия.

35

...Эта зима казалась Субботину неперенятно длинной. Главное, не было зимы, когда же наступит срок заброски подготовленных в школу агентов.

ВАСИЛИЙ АРДАМАТСКИЙ

Потажение инструктора Хауссона

ПРИКЛАДЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

Окончание.

См. «Смену» №№ 16—22.

Когда под руководством полковника Семина разрабатывались планы всей операции, в нем учитывались самые разные ситуации, в которые мог попасть Субботин. Предусматривалось и то, что с ним теперь случилось.

Но одно весьма серьезное обстоятельство очень тревожило Субботина: его деятельность была строго ограничена стенами школы и производимые сюда связанных от Рычагова исключалась. А вдруг заброску будет осуществлять какая-то другая организация? Не окажется ли Субботин вдали от этого дела? И чтобы устранить эту опасность, Субботин решил усерднее работать в школе и так поставить себя, чтобы начальство неизбежно пришло к выводу: «Иван Иванович» должен оставаться со своими курсантами вплоть до момента заброски.

В начале декабря Хауссон впервые показал Субботина за его работу и предложил в порядке поощрения съездить на три дня в Мюенхен, чтобы «развлеклся с помощью шиваизации».

Во время пребывания в Мюенхене Субботин жил, конечно, в отеле «Лордрия» и каждое утро покупал в киоске газеты и журналы. За эти дни он обменялся с Рычаговым целой серией шифрованных сообщений. Получил они и краткую шифровку от полковника Семина: «Планы действия одобрены. Операция развлеклась успешно. Продолжайте действовать по плану».

С первого января Хауссон сделал Субботина старшим инструктором школы. И все же никогда в жизни Субботина не было такой длинной зимы. Как-то в конце января он заболел с Хауссоном о продолжительности срока обучения. Неожиданно майор рассердился:

— Надеюсь, вы не хотите спешить и повторить берлинский эксперимент? Там, в Вашингтоне, сидя в теплом местечке, можно думать, что это делается быстро. Но у нас-то с вами есть уже горький опыт!

Субботин понял: Хауссон испытывает нажим со стороны высшего начальства, которое его торопит. Он этому сопротивляется, но одновременно хочет, чтобы курсанты и педагоги работали в предельно напряженной обстановке. Субботин старался поближе сойтись со своими курсантами. Он проводил время то с одним, то с другим, называя эти беседы индивидуальными инструктажем и относя их к обычному, тоже к обучению.

Самым опасным был, конечно, Герард Барков — геркулес девятидмий лисой и глазами убийцы. Он был страшен своей спокойной горючностью на все. Вышший харьковский репортер Константин Ганешкий охотно рассказывал Субботину всю свою биографию. Прежде всего Субботин заметил, что о дестине и личности он рассказывал так, как обычно рассказывают о самой счастливой поро своей жизни.

— Хотел стать писателем, — грустно заключил он эту часть воспоминаний и надолго замолчал. А потом, словно стихившишись, что он в разговоре со старшим инструктором совершает тактическую ошибку, так холодно рассказывать о том, что было с ним дальше, вплоть до поступления в эту школу...

— Да, вы пошли на интересное дело... исполняете приказ за Ганешким, сказал Субботин. — Вот и напишите книгу о своей жизни, завершающейся таким интересным делом.

— Почему завершающейся? — насторожился Ганешкий. — Разве я старик? — Он внимательно улыбался, но глаза его с тревогой смотрели на Субботина. — Почему? — Ганешкий произвел на Субботина впечатление человека, который, полагая в Советский Союз, не сможет активно действовать в качестве шпиона.

Души остальных курсантов тоже были поласканы всей атмосферой жизни во вражеском мире...

36

Однажды Субботин все-таки не вытерпел: — Когда начнем заброску агентов?

— Что вас волнует? — сразу насторожился Хауссон.

— Меня волнует, что курсанты до сих пор не имеют практического представления о парашютных прыжках. Хотя бы за три-четыре дня до заброски их надо перевести на аэродром и сбросить с парашютом.

— Но их этому учат в школе!

— Мистер Хауссон, не знаю, как вы, а я два раза прыгал с парашютом. Когда нужно было в первый раз шагнуть в бездну, все, чему меня учили, вылетело из головы.

Хауссон задумался.

Фотохудожник Альфреда Цесковичева (ГДР).

Монте-Карло — город, ставшийся знаменитым игорным домом, сохранившим дельфинами и любителями легкой наживы.

В тени
дворцовых
отелей

Канн, Ницца, Монте-Карло... Для зажиточных туристов эти города являются как бы олицетворением благополучия, безмятежной радости жизни. Посетить, конечно, прекрасных, дорогих их подчас является не только в Ниццанской гавани. Но еще больше в Канне фешенебельных отелей, ресторанов, кафе.

Монте-Карло — столица игорческого дела. Монте-Карло — столица, которая свивает своим знаменитым игорным домом, который, словно в чудовищной мигант, притягивает к себе целые полчища игроков, спекулянтов и прочих любителей легкой наживы. Со стоятельными бездельниками неред

ко за одну ночь проигрывают больше денег, чем рабочий может заработать в течение дня.

Канн и Ницца, столь дорогие барашу социализма, для этого не только неувеличивающиеся жилищные очереди. У этих городов есть и другая сторона жизни. Имя — нищета. Она кидается в тени фешенебельных отелей в убегах бедняков. Морщины на избитых лицах простых людей отдают им правды. Сидят они в тени, в бедности, в унижении. Посмотрите на натруженные руки и сутулые спины инвалидов и их жены, чье счастье зависит от капризной щедрости моря. Суровая, безрадостная, но честная жизнь. Люди, обремененные судьбой своей, выживают, их возмущает грязная жизнь в Адмирал. Они протестуют против антинародной политики правительства, вставшего на путь подавления демократических прав, свободы, которой так дорожат простые люди Франции. Они борются с режимом маршала. Они гмвно требуют выгнать вой с французской земли пугаловского генерала, Гисса Шнейдера, преградить путь фашизму.

— Хорошо. Подумаем. А теперь дело особое. Кто из ваших курсантов производит наиболее выгодное впечатление?

— Герасим Барков,— быстро ответил Субботин.

Хауссон записал фамилию.

— Он пойдет в Россию особым путем. Человек он храбрый?

— Готов на все.

— Прекрасно. Специально им теперь и займется. Школу дней на десять придется оставить. Завтра доставьте везет Баркова в Мюнхен и будете готовить его к путешествию.

На другой день Субботин привел Герасима Баркова.

Они прошли к Хауссону, и тот буквально вцепился в курсанта: вопрос следовал за вопросом. Субботин заметил, что Хауссон не выдерживает деланого вида курсанта.

Наконец Хауссон прекратил расспросы и сказал:

— Предстоящая операция организована и технически продумана идеально. Но риск есть риск. Можно и погибнуть. Готовы ли вы к этому?

Барков усмехнулся:

— Я уже давно готов, да что-то все не побуждало.

Хауссон отпустил его поправляясь, он посмотрел на курсанта с любовью и уважением.

— Хорошо. Идите к себе. Ваш номер рядом с моим.

Не успел Субботин и Барков разложить вещи в своем двухкомнатном номере, как к ним явился Хауссон в сопровождении высокого, небрежно одетого мужичка. Показывая на Баркова, Хауссон спросил:

— Подожди?

— Да, вполне,— тихо произнес незнакомец.

Хауссон подтолкнул Баркова в спину:

— Вот и прекорсно. Знакомьтесь, мистер Барков. Это изобретатель. Так вы его и будете звать «мистер изобретатель». Он построил удивительную машину, а вы первый эту машину используете в деле.— Затем майор повернулся к Субботину.— А это старший инструктор школы Иван Иванович. Он проследит за всем подготовительным периодом.

«Изобретатель» продолжал рассматривать Баркова:

— Вы умеете плавать?

— Умею.

— Хорошо?

— Прилично.

— Ну что ж, тогда не будем терять времени.

Хауссон ушел. Субботин, Барков и «изобретатель» прошли во вторую комнату и здесь сразу же начали подготовительные занятия.

«Изобретатель» рассказал, что им создан аппарат, позволяющий человеку проплыть под водой довольно большое расстояние. Человек помещается внутри небольшой торпеды, кото-

рая выпускается с погруженной подводной лодки. Торпеда снабжена собственным электрическим двигателем, управлением и оборудованием необходимыми приборами.

Барков слушал все это абсолютно равнодушно. В конце концов это стало раздражать «изобретателя», и он спросил:

— Вас интересует это дело хоть в какой-нибудь степени?

Барков усмехнулся:

— Что значит интерес? Я человек служебный. Мне прикажут, и я выполняю приказ.

Из всего, что говорил «изобретатель», для Субботина важно было одно: он узнал, что на подготовку операции надо всего пять дней и что заниматься придется очень напряженно. Герасим Барков быстро освоил технику управления торпедой и уже на третьем занятии точно отвечал на все вопросы «изобретателя».

На четвертый день вместе с «изобретателем» пришли два офицера морской службы.

Они осмотрели Баркова так, будто полагали его. Затем все отправились в номер Хауссона.

Это совещание было, конечно, самым важным. Здесь Субботин узнал весь смысл задуманной операции. Герасим Баркова собиравшись вырваться с подводной лодки в зоне побережья Латвии, близ порта Н. Он должен был подплыть к берегу, затопить торпеду, а затем совершить диверсию в порту.

Теперь Субботин знал все, кроме точного срока высадки диверсанта. Это должно было произойти между десятим и пятнадцатыми числами. Уточнение срока зависело от погоды, так как во время шторма торпеду выпускать нельзя.

Субботин полагал достаточно пребывать своих о районе заброски, и там будет установлено такое тщательное наблюдение за морем, что даже рыба не просочит.

После совещания Субботин пошел прогуляться по городу и заглянул в газетный киоск.

Полувая Субботину газеты и журналы, Амалия Штерс с безразличным видом прослушала несколько сказанных Субботиным фраз и чуть заметно кивнула головой. В ответ она тихо произнесла: «Анна Лорх уже дома».

В своем номере Субботин застал Хауссона, «изобретателя» и тех двух морских офицеров. Барков торопливо укладывал вещи.

— Где вы болтались?— раздраженно спросил Хауссон.

— Просто пошел проглотиться. Купил газеты. Ведь занятия кончились?

Начальник школы отвернулся и продолжал разговор с «изобретателем». Офицеры нетерпеливо стояли у двери, поглядывая на Баркова. Вскоре офицеры и Барков уехали.

Оставившись в номере Хауссон все еще злился. Субботин настоятельно присматривался к нему, пытаясь угадать, в чем дело. Вскоре все прояснилось: Хауссон получил шифровку от

высокого начальства, в которой сообщалось о провале двух агентов, посланных на Украину.

В шифровке высказывалось убеждение, что провалы являются следствием плохой подготовки агентов.

— Я не могу отправляться в рейд вместо курсантов!— раздраженно говорил начальник школы.

Хауссон был достаточно умен и понимал, что дело не только в том, что школа плохо готовит агентов. Он вообще все «беженцев с Востока» считал публикой малообразованной. Получив шифровку, даже и о Субботине он подумал с издевкой.

— Должен быть какой-то порок!— сердито выговаривал Хауссон.— Гулять вам, конечно, не запрещается, но я обязан знать, где находится мой сотрудник в любой час суток. Впредь пропну это участь.

37

Во второй половине июля Субботин получил приказ подготовить шестерых курсантов к переезду на аэродром. В эту группу он включил самых слабых.

Неожиданно в кабинет явился Хауссон.

— Это— форменное безобразие, господин Скворцов! Я добрал черт знает кого!

— По моему, люди, которых я готовлю, еще не дали вам основания для разговора со мной в таком тоне!— с достоинством проговорил Субботин.

— Да? Вы в этом уверены? Может, вы хотите знать, что случилось с вашим храбрецом Барковым?

Субботин молчал: зачем ему знать подробности? Важно, что Барков не действует.

— Молчите!— выкрикнул майор. И вдруг— точно воздух из него выгнали!— он опустился в кресло и надолго замолчал.

— Вы проверяли радиопоголовку людей?— усталю спросил он.

— Да.

— Хорошо проверяли?

— Несколько дней занимался только этим. Все работает на рации уверенно. А что, собственно, случилось?

— Что? И ваш храбрый и подводная лодка канули в неизвестность. Вот что! Вам этого мало?

Субботин пожал плечами:

— Мало ли что могло случиться... Вы же сами ушли меня спокойно относиться к потере.

— Потери потере равны! Вы Барков— ерунда. А вы понимаете, что такое «потеря подводной лодки»?

Хауссон встал.

— Сейчас же перебарывай на аэродром. Лично проследите за парашютной тренировкой. Я тоже приеду туда.

Хауссон быстро вышел из кабинета. Через

В меня
горюшек
отделал

Испланские рабочие, которых кровавый финляндский режим вынудил покинуть родину, и в Калнин не нашли своего счастья.

Ницца. Этот город курорт, скрывающийся в лазурном берегом, доступен только богатым туристам.

минуто его автомобиль прочмался по аллее парка...

Этот аэродром официально считался законсервированным, а действовала хитрые сутки. Здесь не было воинских соединений, во в ангарах и на поле всегда находилось десятка два военных самолетов.

В баре штабного здания с утра до вечера гадали летчики. Они были и в военной и в штатской одежде. На втором этаже находилась командная группа, возглавляемая полковником, которого все летчики панбратски звали «толстый Бит». Днем и ночью над аэродромом стоял рев турбин и моторов.

Субботина вместе с курсантами поселили в стандартном домике, стоявшем на краю аэродрома. Не успел Субботин осмотреться, как в комнату явился разбитой американский сержант.

— Полковник Бит просит вас немедленно явиться, — сказал сержант. — А меня зовут Поль. Если хотите, зовите меня маршал Поль, я ужасно люблю высокие звания...

— Ну что ж, вели меня, маршал Поль! — рассмеялся Субботин.

В кабинете полковника находилась начальная школа. Полковник Бит кивком показал Субботину на стул и, прожывая его сонным взглядом, сказал:

— Мне все ясно. Каждому вашему человеку мы дадим по два тренировочных прыжка. Один — днем, один — ночью. Не болше. У меня здесь не школа парашютистов.

На другой день курсанты совершили по первому тренировочному прыжку. Субботин летал вместе с ними и наблюдал прыжки с самолета. Все курсанты порядком труслили. Субботин видел это и радовался. Пожелал, меньше других выказывал трусость Ганецкий. Он прыгал в первой паре. Когда они покинули самолет, инструктор по прыжкам прокричал Субботину:

— Ладна, а не пария! Второй чуть получше! — Это относилось к Ганецкому.

38

Вылет на заброску был назначен в ночь под воскресенье. Субботин узнал об этом только в пятницу вечером и очень встревожился: кроме того, что агенты будут сбросить парами одновременно с трех самолетов, Субботину ничего не было известно. Слуща час Субботин уже знал, у кого на аэродроме вместе точный адрес заброски. Один разговорный капитан рассказал, что летчики узнают это очень просто: в метеобюро. Синоптики для выяснения погоды получают адреса раньше всех.

Уже глубокой ночью Субботин зашел в метеобюро. Дежурный слал, положил голову на спеленные руки. Субботин разбудил его и строго спросил:

— Как с погодой на моем завтрашнем ночном маршруте?

— Это на Кипр, что ли?

— Какой там Кипр? В Советский Союз!

— Советский Союз... Советский Союз... — бормотал дежурный, отсыпая какою-то бумагу. — Вот. На ноль часов завтрашняя перспектива выглядит так: район Барановичи — облачность, дождь, и общем, то, что надо Район Бреста — то же, хуже в районе Витебска, но полеты не отменяются. Более снежные данные будут завтра в пятнадцать ноль-ноль.

— Спасибо, дежурный. Спокойной ночи!

В субботу утром на аэродром приехал Хауссон. В это время курсанты занимались подгонкой снаряжения. Субботин сам проверял точность подгонки и несамозно делал микроснимки каждого курсанта. Заметив машину Хауссона, Субботин приказал курсантам построиться в шеренгу. Сделан еще один снимок — групповой.

Получилось нечто вроде парадного шмота. К вылезшему из машины майору подошел Субботин:

— Проводите последнее занятие. Подгонка снаряжения.

Хауссон позлоровался.

— Здравствуйте, мистер, — вразнобой ответил курсанты.

Субботин сделал еще один снимок: начальник учебного заведения перед строем шпиров. Этот снимок очень пригодится, когда Хауссон и другие начнут уверять мнр, будто послалка этих диверсантов в Советский Союз — не их рук дело.

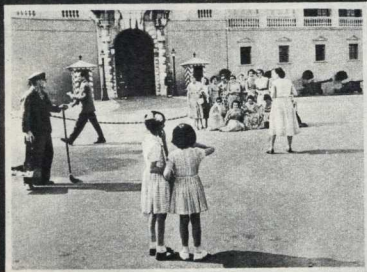
— Я приехал, чтобы проводить вас в путь, — продолжал майор. — Вы должны знать, что с момента старта самолетов у меня будет только одна обязанность: держать с вами связь, а после выполнения задания всей мощью Америки обеспечить ваше возвращение сюда. Наша денежная благодарность будет очень приличной.

Хауссон осведомился, нет ли к нему вопросов. На это отозвался один Ганецкий.

— Можно ли, — спросил он, — в случае крайней необходимости, просить защиты у вашего посольства в России?

— Ни в коем случае! — мгновенно и со злостью ответил Хауссон. Потом майор повернулся к Субботину:

— После вылета мы поведем с вами в район центра и продем там, пока не придут сообщения от агентов. А потом, я думаю, вы сами

Американские туристы любят фотографироваться на фоне дворца, где живет молдавский принц Румы III. Повышенный интерес к юному принцу вызван главным образом тем, что не так давно он женился на голливудской кинозвезде Грейс Келли.

Этим женщинам никогда любоваться морем. Много времени отнимает у них домашние дела, забота о куске хлеба. Они, как и ты, слячи их соотечественники, серьезно озабочены судьбой Франции, антинародной политикой правительства.

займетесь подбором новых и более крепких людей...

...Самолеты взлетели один за другим, с паузами в несколько минут. Ночь встретила нас вблизи советской границы. Ну, а там все готово к приему непрошенных гостей. В этом Субботин был уверен. Его охватило такое радостное чувство, что он тихо рассмеялся. Хауссон, к счастью, этого не заметил.

Спусти час они уже поджидали к радиоцентру. Это небольшое здание, не видимое с улицы, стояло в глубине большого сада, на окраине Мюнхена. Все окна были зашторены. Солдат провел их по темной аллее к дому и показал на дверь:

— Сюда.
В комнате вдоль стен стояла аппаратура. Питеро радистов с наушниками на головах чуть пошевельвали веревки настройки. За маленьким столиком сидел офицер.

— Пока все идет нормально,— доложил он.— Самолеты точно соблюдают график. Выброска произойдет примерно через три часа. Майор молча сел в кресло. Он тоже волновался.

Около полуночи один из радистов начал что-то быстро записывать. Дремлющий Хауссон кончила и подбежал к нему. Субботин замер. Неужели его «спяточсы» проскочили, никем не встреченные? Он не мог знать, что в операции по поимке разведчиков входило и это: дать одной паре возможность осуществить для правдоподобия немедленную связь с центром.

В принятой радиограмме говорилось: «Приземлились точно и благополучно. Прячем снаряжение и уходим, согласно плану. Номер 7».

До утра никаких сообщений не было.
— Ничего, ничего,— утешал Хауссон Субботина.— Терпение, мистер Скворцов. Выброска — это не прогулка туристов.

Только в начале третьих суток пришла радиограмма от пары номер один, в которой находился Ганецкий. Разведчики сообщали, что их выбросили неточно, что они сутки блуждали, пока добрались до леса. Теперь все в порядке.

— Видите, Скворцов, ваше терпение вознаграждено. Из трех брошенных нами зерен два уже дали всходы. Мы с вами можем быть довольны. Я лично рассчитывала максимум на одно зерно. Поздравляю вас!

— Спасибо.
Субботин был не на шутку встревожен. Он не знал, что пара номер один свое донесение передала уже из здания госбезопасности.

...Утром Хауссон выдал Субботину крупную сумму денег и сказал, что ему предстоит выступить сутки полнотой отъезда.

Выйдя из отеля, Субботин побывал в нескольких магазинах. С ворохом покупок в руках он подошел к газетному киоску. Амалия Штерн протянула ему несколько газет:

— Шифр девять.
В номере Субботин нетерпеливо раскрыл газету и отыскал шифрованный абзац...

«Все в полном порядке. Поздравляем. Немедленно возвращайтесь домой. В одиннадцать часов вечера возле кирхи Петра будет стоять такси № БТ 3055...»

Субботин зашел в номер начальница школы.
— Мистер Хауссон, поскольку вы однажды высказали желание знать, где я бываю, ставлю вас в известность, что вечером я смотрю реву, а потом позволяю себе выпить и развлечься.

— Сегодня ваш день,— заулыбался Хауссон. Субботин видел, что он в хорошем настроении.

— Но все же удержитесь от лишнего...
— Это я учту. Итак, до завтра, мистер Хауссон!

* * *

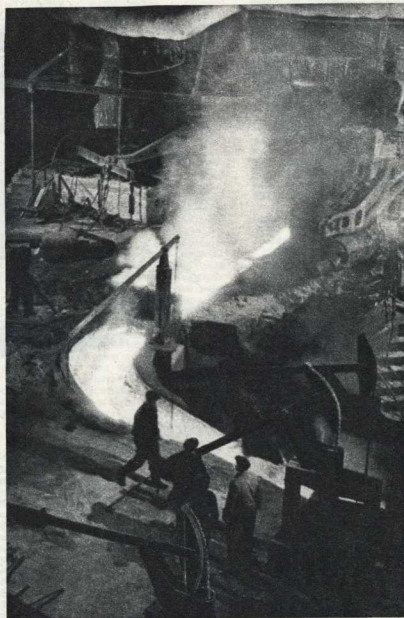
На другой день Субботин был уже в кабинете полковника Семяна. Здесь собралась вся оперативная группа Рычагова. Полковник разбирал операцию:

— Прежде всего спасибо, товарищи, за отличную службу!

...Как в это время чувствовал себя мистер Хауссон, предположить нетрудно.

Конец

От редакции. Повесть печаталась в сокращенном варианте.

Питая комсомольская дает металл.

Фото Е. Ткаченко.
г. Челябинск.

Страдная пора... Десятиклассники тутаевской средней школы № 2 на уборке урожая в подшефном колхозе «Знамя Ильича».

Фото Л. Вьерна.
г. Тутаев, Ярославской области.

НАШ
ФОТО
КОНКУРС

Четверо на лыжах.
фото Л. Лазарева,
г. Москва.

Далеко за пределами Рязанской области известны керамические изделия умельца старинного городка Скопина. Из поколения в поколение, как астафета, передается замечательное мастерство. В скопинской артели «Восход» сейчас работает много молодежи. На снимке: мастер цеха керамики Валентина Пронина.

фото Ю. Чернышева, г. Москва.

ФОТОКОНКУРС
ПРОДЛЕН

По просьбе читателей-фотолюбителей фотоконкурс Комитета молодежных организаций СССР и журнала «Смена» продлен до 1 февраля 1959 года.

Семья потомственных рыбаков: Петр Викторович Мартыненко — бригадир колхоза имени Димитрова, Крымской области, с сыновьями Леонидом (слева) и Николаем. →

фото П. Божниова, г. Симферополь.

По первому льду

Каждое время года имеет свои неповторимые краски и свою прелесть. И трудно сказать, что лучше: теплые летние утра с росными тропинками на траве или морозный январий день, когда дышится так легко, что кажется, с выдохом прибавляется бодрости и здоровья. Вот такие морозные дни и наступают сейчас в среднерусской полосе.

длительная тишина стоит в лесу. Давно обди ветры-листоходы иварное осеннее убранство деревьев. Только на дубках держатся сухие, рваные листья. На чистом, нетронутом снегу, наполненная издала гроздья земляники, плавающие на ягодами ландыша, упрямо зеленеет папоротник. А река, схваченная льдом, иприворошенная снегом, кажется ровной укатанной дорогой. То там, то здесь темнеют лунки.

Наступает суботний вечер. Завтра на рыбалку. В рваных усаждаются складки ступинок, пахнет с бутербродами и термос с горячим чаем. Оттуда заветная лунка, и оттуда извлекаются изогнутые ироробочные с крючками, мормышками, мушкетерами, дрожиными, подплавками, катушками, на которые намотана напроваля леска самого различного сечения. Идет привороженное состояние и готовится снасть: не латушка или крючки, правильно ли

озеро уже слышится дружный стук рыбалды долбит лунки. Многие работают специальными колесотрами, которые больше введются в протвину подводяной лодки. Но вот лунки готовы, определена глубина, под лед опускается крючок с мормышкой. Движения лодки на мормышку начинают медленно опускаться и поднимают коротенькие зимние удочки.

Проходит час, другой, третий, а клева нет. Рыбалка начинает переходить с места на место, навдывается и «соседам», чтобы посмотреть, как идут у них дела. Вдруг кто-то замечает, что около одной из лунок впротвину подводяной лодки протвинуется заветное место! Эта весель с удивительной быстротой распространяется по водоему. Через несколько минут рядом со «счастливцем» становится тесно, навдывается, становится протвинуется лунку поближе. Однако — странное дело — «счастливцы» вытаскивает то плотвичку, то окуня, а у соседей, теснясь, случаются всякие вонюры него, ни одной поклевки. «Рыбалки» нервничает, просит показать, на что он ловит.

Поблизости! Надо уметь ловить! — ехидно отвечает тот и показывает такую же мормышку на лунку, приваляна и лескам большаюта «чудачицы». Они пытаются ловить, рыбу

...Игра проходила в несколько бурном темпе.

Рис. Н. Богдановича.

Подогреть...

Рис. М. Трахманна.

Странная месь.
Рис. И. Оффенгадена.

— Подогрейте, пожалуйста, меня к телефону зовут!

Рис. Н. Тюкавина.

КРОССВОРД

Составил Н. Курьяльчик
(Врестная область)

По горизонтали:

- Советский писатель.
- Престыный, народный герой России.
- Разноязычность вавард.
- Беспозвоночное животное.
- Химический элемент.
- Город в Западно-Казахстанской области.
- Озеро в Новосибирской области.
- Народный артист СССР, художественный руководитель ансамбля народного танца СССР.
- Цветок.
- Изменение в развитии какого-либо явления.
- Элементарная лямпа.
- Химическое соединение.
- Отрицательно заряженный ион.
- Утес.
- Небольшая дальневосточная рыба.
- Водная птица.
- Название одной из популярных песен 30-х годов.
- Стеклопорошок.
- М. Свешлова.
- Лемнграссовое растение.
- Элементарная частица, входящая в состав ядра атома.
- Изложение существа какого-либо вопроса.
- Сухневый черный виноград.
- Свойство тела сохранять состояние покоя или равномерного движения.

По вертикали:

- Соевядие.
- Вид стихий.
- Часть речи.
- Великий русский полководец и анатор.
- Персонаж из оперы Чайковского «Черевички».
- Простейшее соединение углерода с водородом.
- Кинематрица.
- Искусственное соединение мрамор.
- Музыкальное произведение в медленном темпе.
- Город в Ливин.
- Советский писатель.
- Ряд химических элементов.
- Деталь часов.
- Сухой, знойный ветер.
- Рева в Ростовской области.
- Сор.
- Продукт перегонки нефти, топливо для трактора.
- Реса в Сибир.
- Итальянская газета.
- Игрон футбольной команды.
- Детальный аппарат.
- Место для постройки и ремонта судов.
- Птица, живущая на берегах Северного Ледовитого океана.

1	2		6	7	8	9		3	4
5			10						
11			13			12			
14	15	16	17	18	19		20	21	
			22				24		
23			25				27		
26			28				29	27	
29	30	31			32	33	34	35	
			36	37					
39			41			40			
42						43			

приваляна мормышки, легко их ходят на поповичных удочках маленькие конусообразные мучонин пробки или пенопласта, окрашенные разноцветным нитроцелом.

Как будто бы все в порядке. Но нет! На столе появляется монументальная напылишка, и начинается «швищенность»: один мормышка заменяется другим, подготавливаются крючки, изготовляются новые, еще более чуткие поплавы.

Наконец наступит долгожданное воскресенье утро. Быстро закидывается за спину рюкзак, на плечи — чехол с разобранной пешней — и скорее на автобус или электричку.

Фото В. Прославецка.

террением, во тидеги и наконец возвращаются на старые лунки или начинают долбить новые.

Незамеом приближается полдень. Из-за туч проглядывает солнце и заснеженное озеро начинает искривляться. Рыбалка приступает к завершению, но в это самое время начинается клев.

Вечеру почти каждый оказывается с уловом. Пусть он не очень велик: несколько десятков плотвичек и окуней, — но зато как славно все отдохнуть сегодня на свежем, морозном воздухе, какую хорошую получили зарпеду на целую трудовую неделю!

К. ФЕДОРОВ

...Начинает светать... На

Первая страница обложки: Вот и зима! Студента Свердловского политехнического института Комодова Эльза Рувь выводит на лыжи в Валеро.

Четвертая страница обложки: Мотогонки на льду. Фото Л. Вородулина.

Главный редактор М. А. Величко.

Оформление В. Урина.

Рукописи не возвращаются.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Д-47, 1-я улица Янтарного поля, 28, ТЕЛЕФОНЫ: Секретариат — Д 3-34-24, Отделы — рабочей молодежи, литературы и искусства — Д 3-31-68, студенческой молодежи — Д 3-35-24, очерка и публицистики, фотографии, спорта, информации — Д 3-36-80, писем — Д 3-31-69, оформления, иллюстрирует — Д 3-34-22.

А 10903. Подписано и печати 10/XII 1958 г. Тираж 450 000 экз. Изд. № 1422. Знак № 2746. Формат бумаги 70x108%. 1,75 бум. л.—4,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Редакция: Г. Гумка, Е. Донатосович, Н. Жуков, И. Зюков, М. Луконин, А. Ремезов.

Технический редактор О. Шава.

СЛОЖНАЯ СИТУАЦИЯ

Слова Ивана ШАМОВА

Музыка Виктора ШОРИНА

У речного плеса,
Там, где бежит круг,
Одного матроса
Две подружки ждут.
Завлекли надолго
Парня-речника
Песенная Волга,
Светлая Она.

А девочки пишут:
Идем, мол, до конца.
И любовью дышат
Девичьи сердца.

Знал все пернатый
Молодой речник,
Ну, а тут девочки
Завели в тупик.

Сердце, словно в качку,
Бьет в груди волной,
И ответ землячкам
Шлет матрос таной:
«Кочичи навигацию,
Я домой вернусь,—
В сложной ситуации
Лично разберусь!»

В темпе польки

У речного плеса,
там, где бежит круг,
од. но. го мат. ро. са две подружки ждут.
Завлекли на дол. го парня-речника пе. сен. ная Вол. га,
свет. лая и О. ка. Пе. сен. ная Вол. га, свет. лая и О. ка.

The musical score is written in 2/4 time and consists of five systems of music. Each system includes a vocal line with lyrics and a piano accompaniment. The lyrics are printed below the vocal line. The score begins with a tempo marking 'В темпе польки' and a key signature of one flat. The lyrics are: 'У речного плеса, там, где бежит круг, од. но. го мат. ро. са две подружки ждут. Завлекли на дол. го парня-речника пе. сен. ная Вол. га, свет. лая и О. ка. Пе. сен. ная Вол. га, свет. лая и О. ка.'

Цена номера
2 руб.